

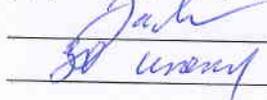
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра гражданско-правовых дисциплин

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Заведующий кафедрой

Д-р юрид. наук, доцент

 Л.В., Зайцева

2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

магистерская диссертация

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧРЕДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ДЕЛЕ О
БАНКРОТСТВЕ

40.04.01 Юриспруденция

Магистерская программа «*Магистр права*»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

Королев
Сергей
Анатольевич

Научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент

Горовенко
Василий
Викторович

Рецензент
Магистр права,
директор ООО «ВИП ГРУП»

Мухамеева
Диана
Олеговна

Тюмень, 2022 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ	11
1.1. СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ...	11
1.2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ В ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	20
1.3. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ.....	28
ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	38
2.1. СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.....	38
2.2. ВЗЫСКАНИЕ УБЫТКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ.....	49
ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ.....	61
3.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ В УСЛОВИЯХ НАЛИЧИЯ БЕНЕФИЦИАРНОГО СОБСТВЕННИКА	61
3.2. ПРОНИКНОВЕНИЕ ЗА КОРПОРАТИВНЫЙ ЗАНАВЕС, КАК РЕАКЦИЯ НА НЕДОБРОСОВЕТСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ УЧРЕДИТЕЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	75

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Общественные отношения, представляющие собой в широком понимании совокупность различного рода связей, образующихся между социальными субъектами (непосредственно людьми, как физическими лицами; организациями, как юридическими лицами; и публично-правовыми образованиями) и направленных на достижение последними возникающих в процессе деятельности различных потребностей, которые, в свою очередь, могут обладать, материальным, нематериальным либо социальным характером, представляются основой человеческой цивилизации. При этом, важнейшим проявлением материального аспекта является экономика, как совокупность социальных практик, возникающих в процессе производства, оборота и потребления обладающих определенной ценностью материальных благ, работ и услуг [Ткаченко, с. 42], в свою очередь, одним из основных факторов, определяющих экономические отношения, является объективная ограниченность экономических ресурсов при потенциальной безграничности субъективных потребностей участников рассматриваемых отношений.

В этой связи в условиях наличия рыночного элемента в экономике, который состоит в присутствии множества независимых друг от друга экономических агентов, производящих и обменивающих материальные блага в рамках свободного ценообразования, конкуренции и действующих на основании предпринимательского риска, перед регулятором экономических отношений возникает фундаментальная задача в принятии комплекса мер к обеспечению наиболее эффективного распределения экономических благ и максимальной стабильности экономического оборота, состояния защищенности охраняемых законом интересов его участников.

Вопрос регулятивного решения последней означенной задачи наиболее остро строит в ситуациях возникшей вследствие каких-либо причин невозможности конкретного субъекта экономических отношений исполнить

принятые на себя обязательства перед другими участниками. По мере ускорения общественного и экономического развития, становления капиталистических отношений и возникающей перед регуляторами необходимости стимулирования частной инициативы в хозяйственной деятельности, создания определенных гарантий такой инициативы, начиная с XIX века в странах англо-саксонской правовой семьи началось формирование института банкротства, концепция которого заключается в урегулировании и отмене обязательств несостоятельного должника с одновременным принятием мер к удовлетворению интересов кредиторов при неумышленной неплатежеспособности данного субъекта хозяйственных отношений [Багреева, Рудая, с. 16-17].

Параллельно тому, для достижения целей обеспечения развития частной инициативы в экономической деятельности в XVIII-XIX веках в европейских странах началась активная разработка и внедрение института юридических лиц, как самостоятельных субъектов хозяйственных отношений. В последующем, как показала практика, наиболее востребованными организационно-правовыми формами таких субъектов явились предприятия, основанные на объединении ограниченным кругом лиц своего имущества для совместного ведения дела (общества с ограниченной ответственностью); а также основанные на широком привлечении капитала посредством рыночных механизмов (акционерные общества). При этом, одной из важнейших особенностей указанных субъектов явилась их имущественная и деликтная обособленность, состоящая в заранее установленном ограничении ответственности учредителей пределами вложенных средств, в том числе, в случае несостоятельности предприятия. При этом, поскольку, согласно теории фикции юридического лица, несмотря на то что последнее обладает полной правосубъектностью, фактически оно не имеет самостоятельного материального выражения и свободной воли, а действует под контролем и в соответствии с волей конкретных физических лиц, являющихся членами организации [Плескова, с. 161-162].

В подобных условиях может складываться ситуация, при которой недобросовестные и (или) неразумные учредители юридического лица, намеренно или неосторожно допускают поведение, явно выходящее за рамки нормального хозяйственного оборота и причиняющее ущерб подконтрольной организации либо ее кредиторам, создающее состояние невозможности удовлетворения подконтрольной организацией принятых на себя обязательств, либо использующее такое состояние, в том числе, с целью неправомерного перераспределения в свою пользу или пользу заинтересованных лиц имущественных активов подконтрольной организации. Соответственно, поскольку само по себе состояние невозможности юридического лица самостоятельно исполнить принятые на себя обязательства сопряжено с нарушением нормального экономического оборота, а также интересов целого ряда иных субъектов общественных отношений, в том числе и кредиторов по социальным и публично-правовым обязательствам, недобросовестные и (или) неразумные действия учредителей юридического лица в период несостоятельности либо в предшествующее время, влекут дополнительное нарушение охраняемых законом интересов кредиторов, которые уже не имеют возможности получить в полном объеме надлежащее исполнение, что в целом является противными общеправовому принципу законности и указанной выше регуляторной задачи обеспечения стабильности хозяйственного оборота.

В этой связи на систему органов государственной власти возлагается обязанность по принятию мер к противодействию подобному поведению, которые, как представляется, должны отвечать ряду телеологических направлений: восстановление нарушенных имущественных прав кредиторов или самого должника-юридического лица; общая и частная превенция, т.е. исключение какой-либо возможности извлечения выгоды из недобросовестного поведения и восстановление социальной справедливости, реализуемых посредством законодательно установленных мер частноправовой и публично-правовой ответственности. Причем именно

частноправовая ответственность по своей сущности направлена на непосредственную защиту интересов кредиторов юридического лица и, соответственно, на восстановление нормального экономического оборота, что предопределяет необходимость уделения повышенного внимания вопросам ее изучения и совершенствования.

Современное российское государство, вступившее в конце XX века на путь развития рыночной экономики, аналогичным образом столкнулась с вышерассмотренными задачами регулирования хозяйственного оборота и защиты прав его участников, в том числе, посредством внедрения и совершенствования механизмов юридической ответственности в деле о несостоятельности. Причем, последней из крупных реформ ответственности юридических лиц явилось принятие Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ, в соответствии с которым в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» введена глава III.2, упорядочивающая основания и порядок привлечения к ответственности в деле о банкротстве.

При этом, говоря об актуальном состоянии практической реализации указанных положений представляется необходимым отметить, что согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, имела место следующая статистика заявления и рассмотрения требований о привлечении к ответственности контролирующих должника субъектов в делах о банкротстве юридических лиц:

- в 2019 году рассмотрено 31 677 дел, в ходе которых заявлено 6 041 требование о привлечении к ответственности, из которых 3 437 (56,8%) удовлетворено;
- в 2020 году рассмотрено 24 735, в ходе которых заявлено 5 836 требований о привлечении к ответственности, из которых 3 442 (58,9%) удовлетворено;
- в 2021 году рассмотрено 39 504, в ходе которых заявлено 6 687 требований о привлечении к ответственности, из которых 3 357 (50,2%)

удовлетворено.

Таким образом, в настоящее время усматривается ситуация, при которой сами по себе требования о привлечении контролирующего лица к юридической ответственности заявляются достаточно редко – в среднем в 16% случаев, при этом, немногим больше половины из которых удовлетворяются судами. Подобные данные в совокупности со сведениями о весьма низком проценте удовлетворения требований кредиторов в аналогичные периоды времени (от 5 до 7% от общего числа заявленных требований, согласно данным статистических бюллетеней Федресурса), что позволяет некоторым исследователям [Куркин П.Д., с. 38] заключить о фактическом использовании участниками юридических лиц института банкротства для вывода активов и освобождения от задолженности, но не для добросовестного погашения обязательств перед кредиторами.

Совокупность приведенных обстоятельств свидетельствует о высокой актуальности и практической значимости исследования нормативного регулирования и правоприменительной практики ответственности контролирующего юридического лица субъектов в деле о банкротстве, с целью разработки предложений совершенствования института ответственности в деле о банкротстве, повышения эффективности их применения и повышения степени защищенности интересов кредиторов и самого должника-юридического лица, а равно обеспечения гарантий частной инициативы для добросовестных руководителей.

При этом, как представляется, особое внимание заслуживает вопрос совершенствования ответственности учредителей юридического лица, как субъектов, обладающих наиболее полным контролем над организацией, определяющих основополагающие направления деятельности, решающие ключевые кадровые и финансовые вопросы, и, следовательно, обладающих самыми широкими возможностями для недобросовестного использования имеющихся полномочий. Вместе же с тем, ответственность за недобросовестное поведение учредителей юридического лица не должна

превращаться в фактор давления для предпринимателей, действующих в рамках нормальных хозяйственных отношений и испытывающих естественные экономические риски.

Научная новизна темы исследования. Особенность настоящей магистерской диссертации заключается в исследовании автором работы целого комплекса вопросов, связанных с ответственностью учредителя юридического лица в деле о банкротстве, проведен анализ основополагающих теоретических положений, особенностей исторического развития института ответственности в деле о банкротстве, а также исследование актуального законодательного регулирования и правоприменительной практики юрисдикционных органов при рассмотрении рассматриваемой категории споров.

Особое внимание автором представленной работы уделяется исследованию актуальных проблем правоприменительной практики, вырабатываемых путей их решения, а также предложений по совершенствованию нормативного регулирования института ответственности в деле о несостоятельности юридического лица. Кроме того, в рамках настоящей работы проведено компаративное исследование положений об ответственности учредителей юридического лица, содержащихся в законодательстве о несостоятельности (банкротстве), с положениями действующего корпоративного и гражданского права.

По результатам проведенного исследования выдвинут ряд предложений по совершенствованию механизмов ответственности учредителей юридического лица в части наиболее эффективной реализации сущности правового регулирования экономических отношений (в том числе – отношений банкротства).

Целью проведенного исследования является комплексный анализ нормативно-правового регулирования и практической реализации института ответственности в деле о банкротстве применительно к квалификации недобросовестных и (или) неразумных действий учредителя юридического

лица и эффективного восстановления нарушенных такими действиями охраняемых законом интересов, и формирование авторской позиции относительно перспектив дальнейшего совершенствования рассматриваемого механизма.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующего ряда задач:

- исследовать общетеоретические и нормативные положения о юридическом лице, статусе и роли его учредителей, а равно сущности гражданско-правовой ответственности в деле о банкротстве;
- рассмотреть процессы исторического формирования ответственности учредителей юридического лица в зарубежном и отечественном праве;
- исследовать актуальные реформы российского законодательства в части совершенствования механизмов ответственности в деле о банкротстве;
- исследовать общие вопросы ответственности учредителей должника-юридического лица в деле о банкротстве;
- провести анализ оснований привлечения к субсидиарной ответственности и взыскания убытков с учредителей юридического лица в деле о банкротстве;
- исследовать современные тенденции и актуальные проблемы развития института ответственности учредителя юридического лица в деле о банкротстве.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся вокруг реализации механизмов частноправовой ответственности учредителей должника-юридического лица за совершение действий, причинивших ущерб имущественным правам кредиторов юридического лица либо самому должнику, в рамках дела о несостоятельности (банкротстве).

Предмет настоящего исследования представляет собой нормативные положения, регламентирующие правовое положение учредителей

юридического лица, процедуры несостоятельности (банкротства) юридического лица, а равно юридические нормы, устанавливающие материальные основания признания неправомерными действий учредителей юридического лица и реализации в отношении последних мер частноправовой ответственности в рамках обособленных споров в деле о несостоятельности (банкротстве).

В качестве методологической основы проведенного исследования выступает совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания. При этом, комплекс общенаучных методов составляют: диалектический метод, методы дедукции и индукции, анализ и синтез, а также принцип историзма, а специально-юридических: исторически-правовой анализ; формально-юридический и системно-правовой подходы; методы юридического анализа и толкования права.

Нормативная основа магистерской диссертации включает в себя положения Конституции Российской Федерации, национальных законодательных актов, составляющих гражданское, корпоративное и банкротное право, а также правовые позиции высших судебных инстанций и материалы правоприменительной практики.

Теоретическую основу диссертации составляют работы целого ряда представителей правовой доктрины, осуществляющих исследования в области корпоративного и банкротного права, к числу которых относятся работы: Бартковой Н.Н., Саакова А.С., Витрянского В.В., Денисовой Я.О., Евтеева К.И., Ермилова В.Б., Камышанского В.П., Тарасенко А.Н., Ким И., Кован С.Е., Ряховской А.Н., Крупского А., Кузнецова А.А., Куркина П.Д., Поздеевой Е.А., Толкуновой П., Туктамышевой С.В., Тюнькова В.А. и многих других.

Структура работы. Магистерская диссертация включает в себя введение, три глав, разделенных на параграфы, заключение и библиографический список.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

1.1. СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Юридическое лицо – субъект, организация или предприятие, прошедшая государственную регистрацию, выступающее общим независимым носителем прав и обязанностей, обладая при этом собственным наименованием, утвердившийся и оформленный устав, юридический адрес, печать, расчетный счет в банке и юридический адрес ведя при этом бухгалтерский учет. При этом сущность данного термина раскрывается в статье 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – ГК РФ), где указаны основные черты юридического лица, который должен иметь:

1. Обособленное имущество, которым может отвечать по своим обязательствам (долгам);
2. Зарегистрированное лицо в едином государственном реестре юридических лиц имею при этом организационно-правовую форму;
3. Право совершать сделки от своего имени при этом нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [Витрянский, с.11].

Понятие юридического лица безусловно связано с развитием Древнего Рима. Именно отсюда начался исторический процесс, суть которого состояла в том, что имущество, например покоренных городов, провинций оставаясь в общем обладании необходимо было вводить в общество гражданского оборота. Рассмотрение исторических фактов и исследования событий в историческом аспекте указывают на первые предпосылки появления прототипа юридического лица примерно в том виде, в котором оно дошло до сегодняшнего дня в современном правопорядке. При этом концепция (теория) фикции впервые аргументировала независимость юридического

лица как особого субъекта, имеющего правовые полномочия, отличного от людей, составляющего его структуру [Алексеевко, с.19].

Юридические лица подразделяются на две группы:

1. Коммерческая организация – организация цель которой является обязательное получение прибыли, в отличие от некоммерческой организации, которая не имеет такой цели и обладают общей правоспособностью. При этом они имеют право распределять прибыль между участниками. Объединение лиц:

- Хозяйственное товарищество – в соответствии со статьей 66 ГК РФ участниками могут быть только индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, при этом они несут субсидиарную ответственность по обязательствам товарищества, учредительный документ – учредительный договор, функции исполнительного органа как правило выполняют любой из полных товарищей, и каждый участник вправе действовать от имени товарищества, но, собственно говоря, учредительным документом может быть оговорен момент совместного ведения дел или этим могут заниматься только отдельные товарищи, прекращение участия в таком товариществе возможно путем выхода одного из участников, находится в его собственности, варианты – полное товарищество, товарищество на вере (коммандитное), крестьянское (фермерское) хозяйство;
- Крестьянское фермерское хозяйство – согласно статье 1 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11.06.2003 № 74-ФЗ основано на личном трудовом участии их членов, несут субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам созданными ими юридического лица. Уставного капитала также нет, права и обязанности принимаются через действия участников, все участники выполняют функцию общего собрания;
- Хозяйственное партнёрство – согласно статье 3 Федерального закона «О хозяйственных партнерствах» от 03.12.2011 № 380-ФЗ участники, как

правило не несут ответственность по долгам партнерства, отношения между участниками регулируются соглашением об управлении партнерством.

- Производственный кооператив – согласно статье 8 ГК РФ – это добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности, члены несут субсидиарную ответственность по долгам кооператива в размере, предусмотренным уставом, но не менее чем в размере 5% своего пая [Ким, с.7-13].

Объединение капитала:

- Хозяйственное общество – акционерное общество – уставной капитал которого разделены на определенное число акций, публичное акционерное общество, непубличное акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью – наиболее распространенная организационно-правовая форма для юридических лиц Российской Федерации, деятельность по их управлению регламентируется специализированными Федеральными законами «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ и «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ;
 - Государственное (муниципальное) унитарное предприятие – согласно статье 2 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» на праве хозяйственного ведения, на праве оперативного управления – это форма участия публичных субъектов в обороте, имеется специальная правоспособность, владение имуществом не на праве собственности, а на праве хозяйственного ведения при оперативном управлении.
2. Некоммерческие организация – организация цель которой не является обязательное получение прибыли [Львова, с.51].

При это обязательно необходимо ввести значение термина учредитель, которое регламентирует пункт 1 статьи 10 Федерального закона «Об

акционерных обществах». Учредителем считается физическое или юридическое лицо, которое установило решение об его учреждении, и оно должно отвечать некоторым требованиям:

1. Обязаны обладать дееспособностью или правоспособностью;
2. Обязаны достигнуть совершеннолетнего возраста;
3. Иностранцы граждане также могут владеть данным статусом только при законном нахождении, за исключением случаев, установленных международными договорами Российской Федерации или федеральными законами по миграционным вопросам.

При условии того, что учредитель в компании один, то юридическое лицо создается решением единственного учредителя в письменной форме, если же учредителей несколько, то создается учредительный договор, в котором будет также определен правовой статус участников и доля уставного капитала, который может формироваться в произвольном порядке. Согласно пункту 2 статьи 56 ГК РФ ответственность учредителя в обществе минимальна, так как он не отвечает за обязательства юридического лица ООО, а общество в свою очередь не отвечает по обязательствам учредителя, если иное не предусмотрено самим уставом, по общему правилу субсидиарной ответственности нет [Анциферова, с.21-29].

При этом полномочия учредителей в общества с ограниченной ответственностью сводятся к регламентирующему Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»:

- В случае общества ликвидируется, либо банкротится его активы имеют все шансы переходить совладельцам (дольщикам) пропорционально своим вложенным долям;
- Член (участник) имеет право оставить структура учредителей общества с ограниченной ответственностью согласно своему желанию, доля выбывающего совладельца переходит компании. Реальная цену прежде привнесенного взноса возмещается происходившему дольщику;

- Организатор имеет право принимать участие в процессах вынесения заключений, имеющих отношение к зоне ответственности общего собрания дольщиков сообщества, он способен выдвигать подобные постановления без помощи других;
- Допуск к каждой документации, сопряженной вместе с работой фирмы, связанной с деятельностью учредительских, регистрационных, товарораспорядительных, счетоводных, а также других бумагах;
- Своевременное получение полной и достоверной информации обо всех аспектах деятельности хозяйственного общества.

Акционерское общество равно как владелец обладает вещественными, а также интеллектуальными ценностями, в этом количестве: производственными мощностями компании, другим движимым, а также недвижимым имуществом, валютными инструментами, технологиями и брендами [Витрянский, с.18].

Единичные акционеры – владельцы значимых бумаг. Собственностью фирмы распоряжаются ее аппараты управления (главный руководитель, комитет начальников, единое совещание). Руководство акционерским окружением реализовывают в согласовании вместе с условиями закона, а также утверждениями их статута. Устав при этом считается главным коллективным, а также одним-единственным учредительным важным документом фирмы. В нем перечисляют все без исключения утверждения, какие затрагивают правлением фирмой и неотъемлемые данные, какие необходимо упомянуть в данном акте опираясь на статью 11 Федерального закона «Об акционерных обществах» и пункт 3 статьи 98 ГК РФ.

Ключевые проблемы согласно управления могут принимать только единое совещание – это наивысший аппарат управления фирмой. Совещание созывают в следующем либо дополнительном режиме (глава VII Федерального закона «Об акционерных обществах»). Разнообразные решения получают линией голосования, а собственники голосующих акций изливаются из-за либо вопреки этого, либо другого места повестки собрания.

В Федеральном законе «Об акционерных обществах» имеются специализированные предписания, тот или иной число гласов следует, для того чтобы разрешение признавалось установленным [Крупский, с.47-51].

В свою очередь, гражданская ответственность состоит в использовании к должнику в интересах иной личности (кредитора) определенных законодательством мер воздействия, которые влекут с целью него невыгодные экономически нерентабельные результаты материального права – компенсация потерь, уплату неустойки (взыскание, компенсация ущерба). Гражданская ответственность начинается из-за правонарушения, в таком случае имеется процесс (либо пассивность), нарушающее условия закона либо соглашения. В частности, в случае нарушения одной личностью материальных либо индивидуальных неимущественных прав и иной личности, несоблюдения либо неразумного выполнения личностью порученных на него законодательством, либо соглашением обязательств, при злоупотреблении гражданскими правами (реализация полномочия в противоречии вместе с его направлением). Гражданская обязанность считается материальной, а также вынашивает компенсирующий вид [Баранец, с.9]. При этом гражданская ответственность классифицируется на: договорную, полную, солидарную или субсидиарную.

Субсидиарная ответственность способна являться равно как договорной, а также внедоговорной. В таком случае имеется возможность наступления обязательства из-за несоблюдения обязанностей согласно соглашению, а также из-за предписания в законе. При этом в договорных взаимоотношениях она как правило начинается с присутствия несогласия главного ответчика с удовлетворением вчиненных к нему условий (вне зависимости с присутствия либо отсутствия требуемого имущества с целью удовлетворения кредиторов). Так, к примеру, в силу обстоятельств соглашения может выступать обязанность поручителя (п. 1 ст. 363 ГК).

Более известными причинами с целью привлечения к такого рода ответственности считается неосуществимость абсолютного закрытия условий

кредиторов из-за недоступности счетоводной документации (искажение данных в ней), а также несоблюдение прямых обязанностей, согласно подаче в судебный процесс положения касательно банкротства (ст. ст. 61.11, 61.12 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ).

Таким образом субсидиарная ответственность регулируется Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Идея такого варианта ответственности заключается в гарантии возвращения непогашенного долга с обязанного лица, если последний не может исполнять свои обязательства, а также в дополнительной ответственности все членов товарищества, когда основной ответчик по каким-то причинам не может исполнить долг [Яценко, с.31]. Субсидиарная обязанность формируется только в синхронном присутствии факторов при последующих обстоятельствах:

1. Существовавшая организация признана несостоятельной в определенном законодательством режиме;
2. Собственности, относящегося к предприятию не хватает для удовлетворения целей при погашении долгов и вчиненных должнику условий;
3. Владующий некоторыми правами субъект, обладал достаточными для оказания влияния на деятельность организации;
4. Согласно итогам рассмотрения, а также оценки экономических, а также счетоводных бумаг существовала определена причинно-следственная взаимосвязь среди поступков притягиваемого к ответственности личности, а также разорения компании, либо уполномоченный должника никак не направился в судебный процесс вместе с заявлением касательно признания его банкротом самостоятельно [Малышев, с.12].

Статья 10 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» включает систематизированную данные об ответственности, налагаемой на управляющего должника, а также других персон, воздействия

каковых были фактором разорения компании. В соответствии с пунктом 4 статьи 10 названного закона, во взаимоотношении осуществляющего контроль личности функционирует предположение презумпция виновности, при котором непосредственно он сам обязан обосновать, то что фактором известности организации-должника банкрота обосновали не его воздействия (пассивность), а другие внешние или внутренние факторы, повлиять на которые он не мог (в этом количестве согласно фактору недостающего высококлассного навыка либо недоступности конкретных познаний а также умений). Но обязанность согласно доказыванию собственной невиновности возлагается в него только в этом случае, в случае если:

1. Отсутствуют бумаги финансового учета либо сведения, содержащаяся в их, никак не отвечает реальности (или исковеркана до такой степени, то, что изучить итоги работы компании, а также предоставить им оценку нельзя);
2. Осуществил либо утвердил осуществление одной, либо некоторых сделок, выполнение каковых навело вред вещественным интересам кредитора;
3. Условия кредиторов третьей очередности, образовавшиеся вследствие нарушения должником, либо уполномоченными личностями, представляющие интересы должника, общепризнанных мерок функционирующего законодательства, в период закрытия единого реестра условий превосходят 50% единой средства условий, вчиненных кредиторам третьей очередности [Емельянцеv, с.38-42].

Несостоятельность, а также назначение субсидиарной ответственности может осуществляться согласно инициативе должника. В случае если должник убежден, то что в конкретный промежуток времени никак не сумеет устранить свои собственные обязанности в соответствии с определенными обстоятельствами, следовательно в таком случае должнику будет вполне рентабельно подать заявление на признание банкротства. В этом случае он приобретает достоинства. Без помощи других представить инициатором

банкротства способен только лишь в ситуации, предусмотренных законодательством:

- присутствие неудовлетворении условий кредиторов согласно осуществлению денежных обязанностей;
- неосуществимость ведения хозяйственной деятельности из-за взыскания собственности имущества должника;
- должник способен предоставить доказательства своей неплатежеспособности.

Обязанность учредителя появляется в этом случае возникает:

- осуществлял операции во вред работы компании, присутствие касательно личных заинтересованностей;
- скрывал данные касательно подробностей операций с иных соучастников сообщества, заранее понимая, что завершение договора повлечет за собою негативные результаты с целью фирмы;
- никак не реализовывал соответствующий контроль контрагентов, а также поставщиков, вместе с которыми заключали сделки;
- фальсифицировал либо скрывал бумаги сообщества, а также пр. [Волков, Родина, с.78].

При это согласно ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» руководство общества осуществляет единоличный исполнительный орган, который избирается решением учредителей, и они подотчетны акционерам [Вдовин, с.55]. При этом единоличный исполнительный орган общества:

1. В отсутствии доверенности функционирует от имени сообщества, при этом представляя его интересы и совершая сделки;
2. Может выдавать доверенности от имени общества, также выдает доверенности вместе с законном передоверия;

3. Выпускает указы касательно направления в должности сотрудников сообщества, о их переходе, а также уходе с работы, использует мероприятия одобрения, а также налагает дисциплинарные взыскания;
4. Реализовывает другие возможности, не причисленные в Федеральном законе законодательством либо уставом общества к ответственности единого собрания соучастников сообщества, консультации директоров (наблюдательного совета) общества, а также коллегиального исполнительного органа общества [Туктамышева, с.42].

1.2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ В ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Правовой институт банкротства (несостоятельности) является основным составляющим рыночной экономики при возникновении товарно-денежных отношений, при этом параллельно возникал вопрос об официальном регулировании обязательств должника и кредитора. Данное официальное урегулирование призвано выполнять несколько функций, в частности обеспечение стабильного финансового положения, некой дисциплины, стимулируя при этом работу предпринимательских отраслей и монотонного развития хозяйственного оборота [Шершеневич, с.25].

Долгое время в истории законодательства о банкротстве должник считался недобросовестным и пытался «избавиться от бремени своих долгов» путем обмана, таким образом при этом изначально неисполнение долговых вопросов считалось незаконным деянием, которое должно было быть обязательно подвергнуто наказанию. В доказательство данного факта можно привести яркий пример, когда во времена Древнего Рима собственность должника в абсолютном размере переходило к кредитору, а должника могли даже привязать к постыдному столбу, а также данное лицо автоматом приравнялся к грабителю. При этом параллельно довольно схожие меры существовали в германском и французском праве, где

кредиторы по отношению к должникам могли применять физическую силу, т.е. подвергать его избиениям, а в некоторых случаях даже процессу экзекуции. Исходя из вышеперечисленной практической деятельностью такие довольно варварские методы были характерны для более давних времен, по истечению времени в основном должник отвечал перед своими кредиторами собственным имуществом, своей собственной свободой, иногда даже свободой своих близких, здоровьем и честью. Первое упоминание отмечалось еще в Ветхом Завете, где подчеркнуто обязательство прощения долгов всем евреям каждый седьмой календарный год, а каждый 50-й год долги списывались всем гражданам независимо от этнической группы, возраста, пола и веры [Цитович, с.28-39].

Из всех стран наибольшее развитие банкротного права получил Древний Рим, где были заложены основы для многих современных государств – Франция, Англия и Италия. Таким образом, даже в законах таблиц XII было указание на право кредитора применить грубую силу по отношению к должнику. Гражданин Римской империи отвечал за принятые на себя обязательства абсолютно всем своим имуществом, собственной свободой и свободой своих членов семьи. Также на базе данного закона было разработано правило 30 дней, которые даровались должнику для исполнения своих долговых обещаний перед кредитором, если долг не был выплачен, то кредитор был вправе осуществлять гражданское правосудие и мог даже приложить физическую силу сделав его при этом собственным рабом, а по истечению уже 60 дней кредитор мог убить или продать своего должника, но исходя из исторических записок таких мер не предпринимали [Малышев, с.18-31]. С историческим развитием страны эволюционировали и правила банкротного права, где было введено новое правило, которое гласило, что должник перед кредитором отвечает в первую очередь своим личным имуществом, параллельно развивалось право кредитора продать данное имущество должника на аукционе. Но при этом не у всех должников было их личное имущество и желание расплачиваться с кредиторами тем самым это

подтолкнуло к формированию прототипа конкурсного управляющего, обязанностью которого в первую очередь было обеспечение честной и справедливой сделки. При этом если конкурсный управляющий отмечал нежелание или недобросовестность должника отвечать по своим долгам, то его немедленно заключали под стражу, а сделка была признана ничтожной и состоялся процесс принудительного изъятия имущества [Челахсаева, с.8-11].

Дальнейшее развитие банкротного права получило развитие в средневековой Европе в связи с активным процессом торговли, т.е. база составлена именно с учетом опытом Древнего Рима. Многие статьи законы, взятые из древнеримского банкротного права, закреплены в законодательстве большого числа европейских стран. Несостоятельность и банкротство – это постоянные реалии экономической жизни, которые уже давно вызывают комментарии и критику, также нашли свое место в соответствующих ситуациях [Стругов, с.11-22].

Юридические процедуры, связанные с банкротством, значительно различаются в разных странах. Присутствие данных законов о банкротстве (несостоятельности) в стране не считаются самостоятельной ветвью права, но считаются некоторым ответвлением ее более широкой институциональной структуры, в особенности с таких компонентов ее культуры, которые могут обладать разнообразным подходам к абсолютно противоположным отраслям работы. Как было отмечено ранее Италия была торговой страной, и торговцы чаще попадали в ситуации неспособности выплатить свои долги возникает срочная потребность в более урегулированной системе торговой несостоятельности, но основу итальянского банкротного права составляло древнеримское право, где очень долго существовала так называемая презумпция виновности должника, где должник считался виновным в избегании долговых обязательств. Но со временем в итальянском праве на законодательном уровне было закреплено, что инициатива о возбуждении дела по возмещению убытков могла исходить от любой стороны, при этом если должник самостоятельно признает свою несостоятельность для него

были предусмотрены льготы для облегченного процесса банкротства или освобождения, например из-под ареста. Также мировая история развития банкротного права обязана итальянскому праву формированием термина «банкрот» от итал. banco – скамья, rotta – сломанная, что дословно означает сломать скамью, на которой сидел коммерсант, ведущий торговую или финансовую деятельность [Шершеневич, с.4-9].

Формирование и развитие итальянской концепции конкурсного права создает базу с целью формирования банкротного права во Франции, а также Германии, из-за воздействия итальянских бизнесменов, которые были существенно сердиты за неимением схожих общепризнанных мер в иных государствах, что также стало толчком к формированию идентичным институтам банкротства (несостоятельности) в иных государствах Европы.

Также были сформированы судебные сборники уставов, которые впервые были приняты в Венеции уже в 1244 году. Статус Генуи, где было уделено большое внимание суду и коммерческому законодательству и с точки зрения историков был наиболее развитым из всех, при этом он был принят в 1488 году. При это суд уделял большое внимание признакам банкротства, при этом исчезновение должника считалось одним из самым главным, а также отсутствие должника в домашнем быту более трех дней. Как и в Древнем Риме если должник самостоятельно признает свою несостоятельность, то судебная система к нему будет более лояльна [Жилинский, с.41].

Институт банкротства является неотъемлемой частью страны с рыночной экономикой и при внедрении товарно-денежных отношений формировался вопрос о формировании Законодательной системы Франции базируется на Законе «О восстановлении предприятий и ликвидации их имущества в судебном порядке» где регламентируется судебный порядок разрешения споров и описывает ответственность должника и кредитора [Чернова, с.12-15]. Таким же образом был еще один не менее важный нормативно-правовой акт – это Торговый кодекс Франции, где четко

описаны регулирование отношений между должниками и кредиторами, так как Франция не была приверженником жесткой политики и радикальных мер по отношению к должникам. При этом после признания должника несостоятельным закон Франции предусматривает формирование комплекса мер на недопущение конкурсного производства в отношении конкретного юридического лица [Сперанская, с.6-11].

В Германии до недавних реформ законодательства о банкротстве должник будет нести ответственность за неоплаченный долг в течение 30 лет, а учредители обанкротившихся фирм могут нести персональную уголовную ответственность. При этом Германия также базируется на определенном нормативно-правовом акте Положением о несостоятельности (Insolvenzordnung 1994), где закреплены условия, по которым юридическое лицо может быть признано банкротом:

1. Юридическое лицо не в состоянии выполнять свои условия по задолженности (несостоятельность предприятия);
2. Обязательства юридического лица значительно превышают нынешние его активы;
3. Юридическое лицо не имеет возможности (активов) в современных реалиях для погашения существующей задолженности перед кредиторами (неименуемая неликвидность).

Как и в других странах в Германии имеется должность конкурсного управляющего, которого называют Администратором, который в период ведения дела может распоряжаться всеми возможными активами юридического лица в зависимости от условий и фактического развития дела [Жилинский, с.25-34]. При этом необходимо сделать вывод, что закон о банкротстве и процедура были четко разграничены в конце Средневековья в Германии. При этом автор исследования посвященному сравнительному анализу процесса банкротства зарубежных стран Г. Ф. Шершеневич приходит к выводу, что: «поскольку прусское право является основой немецкого законодательства о конкуренции, и это заимствовало его основные

принципы из французского права, необходимо признать, что немецкое законодательство о конкуренции основано на французском законодательстве» [Челахсаева, с.15].

Рассматривая при этом развитие института банкротства (несостоятельности) в Англии можно прийти к выводу, что он развивался без учета влияния других европейских стран. Первый указ был сформирован Генрихом VIII в 1543 году и чаще всего носил уголовный характер, в котором был четко расписан проект ареста собственности самого должника, а также его распределения среди кредиторов.

Также введен в Англии с 1543 года, для того чтобы прояснить экономическое положение должника и подтвердить факт банкротства, необходимо доказать прекращение платежей, причем данный признак используется по сей день [Кравченко, Слабинская, с.34]. Причем важно отметить, что личность должника была скрыта от всеобщего обозрения для защиты его прав на свободу, что было предпринято впервые в европейских странах, но важно понимать, что процессу банкротства чаще всего допускали только обеспеченных граждан (торговцев, купцов и т.д.). Исходя из вышесказанного можно прийти к однозначному выводу, что институт банкротства (несостоятельности) пережил сильнейшее развитие под влиянием римского права, которое в большинстве современных государств заложило основу современных процедур объявления несостоятельного должника.

Если рассматривать исторический аспект с точки зрения ответственности учредителей в зарубежных странах, то можно прийти к выводу, что по общим правилам учредители (акционеры) не несут обязательства по долгам своих организаций, но в определенных случаях суды пренебрегают данным правилом. Так как во многие европейский страны формировались на одной и той же базе римского права и ответственность учредителей будет довольно схожа, так например в странах англосаксонского права – США и в Великобритании действует всем известный судебный

прецедент, который занимает важное место в судебной практике и доктрине о «снятие корпоративной вуали», аналогом которой в дальнейшем в Российской Федерации послужит субсидиарная ответственность, данная доктрина гласит, что если банкротство компании используется с нарушением закона для личного обогащения учредителей или ответственных лиц, то самостоятельность такой компании ставится под вопрос и ее участник будет нести личную ответственность [Жилинский, с.14-22].

Также одним из наиболее важных спектров экономически более развитых стран строится на формировании специального государственного органа, которые занимаются вопросами несостоятельности (банкротства) компаний и физических лиц. Обязанности данного органа являются контроль действующего законодательства, подготовка новых законопроектов, задача которых состоит в улучшении современного и анализ, и формирование статистической базы по делам о несостоятельности. При этом универсальных методов привлечения учредителей компании не существует и, например в США используется метод тестирования компании на выявление признаков фальсификации процесса банкротства, по результатам которых суд будет определять наличие оснований для «снятия корпоративной вуали». В разных штатах могут применяться абсолютно разнообразные тесты, но самым распространенным является тест Пауэлла, который базируется на нескольких основных показателях [Емельянец, с.78]:

1. Использование компании, как инструмент для процессов нарушения законов или попыток их обхода, где выделяют несколько факторов:
 - Резкое беспричинное выведение активов компании – немаловажный аспект при выносе решения суда;
 - Несоблюдение корпоративных формальностей самой компании (отсутствие сбора совета директоров или собрания акционеров, делопроизводства и документирования разнообразных сделок);
 - Мошенничество.

2. Отсутствие у компании самостоятельных решений, например заключение сделок выгодных исключительно учредителю (без выгоды самой компании) – данный признак чаще всего очень ярко показывает преднамеренное банкротство и является поводом для «снятия корпоративной вуали»;
3. Отсутствие у компании признаков реальной предпринимательской деятельности (наличие однократных фальсифицированных сделок);
4. Наличие причинно-следственной связи между потерей доходов кредиторов и злоупотребление корпоративной формы компании.

Таким образом такое многообразие признаков позволяет суду принять наиболее справедливое и объективное решение в адрес учредителей компании. Такое многообразие признаков позволяет судебной системе быть гибкой и формировать наиболее мощную защиту при отстаивании интересов кредиторов и ответственных лиц в деле о банкротстве. При анализе основных критерий для определения преднамеренного банкротства в Великобритании можно прийти к выводу, что существенных различий от США не наблюдается, единственное отличие базируется на более лояльное и сдержанное отношение к самой доктрине, суды опираются на нее тогда, когда все другие правовые средства защиты уже исчерпаны [Шершеневич, с.25]. При этом перечислим основные критерии, на которые ссылается суд Великобритании при объявлении своего решения:

1. Мошенничество с применением незаконных схем с участием самой компании;
2. Искусственное разделение компании на несколько только формально независимых лиц, которые по сути не исполняют свои функции;
3. Использование компании для преследования цели именно уклонения от исполнения обязанности перед кредиторами [Степанов, с.18].

При этом анализируя систему банкротства в Великобритании роль государственного органа, контролирующего процесс банкротства исполняет

Служба несостоятельности, входящая в систему Министерства торговли, которые выполняют схожие функции государственного органа США.

Подводя итог к вышесказанному и анализируя систему банкротства зарубежных стран, можно прийти к выводу, что институт «снятия корпоративной вуали» в англосаксонской системе права и субсидиарная ответственность в Российской Федерации носит сходный характер. При этом базовыми критериями преднамеренного банкротства являются вполне обоснованными и применимы для судебной практики при вынесении решений [Ермилов, с.9].

1.3. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Русская правда считается памятником культуры современной Российской Федерации, где впервые будет упомянуто о несостоятельности или банкротстве. Минуя данное событие хроника законодательства касательно банкротства в Российской Федерации, начинает свое развитие с XVIII столетия, присутствие некоторых отраслей законодательства были подвержены процессу изменения, вследствие этого законы Российской Империи в целом не было схожи с зарубежными, но тем не менее были сохранены сами идеи о более лояльном отношении к должникам, но при этом удовлетворить потребности кредиторов [Халилова, с.29].

Становление института банкротства (несостоятельности) переживало множество моментов и вследствие этого весь этот огромный процесс можно разделить на три группы – дореволюционный, советский, современный. При условии, что развитие данного института в зарубежных странах датировалось более ранними датами, необходимо отметить, что элементы и некоторые базы нормативно-правовых актов были зафиксированы еще в Российской Истине, Псковский Судной грамоте, Судебниках XV-XVI вв., Соборном уложении от 1649 года.

Первые записи были зафиксированы в очень древнем нормативно-правовом акте Российской Истине, где было замечено банкротство торговцев (идентичные истоки, как и у зарубежных стран), при этом стоит указать именно на заметки 68 и 69 где формируется демонстрация установления банкротства (несостоятельности) произошедшей в соответствии с покаянием должников, где были представлены способы ее избегания и подробный процесс раздела имущества должника, при условии, что последний не сможет рассчитаться по долговым обязательствам [Денисова, с.52].

Также в данном документе (Российской Истине), датированным 1016 годом, находился ключевой аспект или подход к банкротству, что был применен в Русском Соборном уложении. В ходе развития разнообразных нормативно-правовых актов менялся лишь концепт и подход к ключевому регулированию и повышалось само нормативно-правовое регулирование. Вышеупомянутыми методами открывается возможность допетровского этапа никогда не существовало в виде целостного документа или сборника именно вследствие этого не хватало легитимного урегулирования экономических отношений между должниками и кредиторами [Лабзанова, с.18]. Именно из-за этого основные принципы конкурсного права никак не были систематизированы, а также никак не были закреплены на законодательном уровне и как говорилось прежде не владели целой областью полномочий.

Русская правда также включала в себя три уровня распределения относительно процесса банкротства, при этом установили не систематизированный подход при выставлении оценки по деяниям должников. В согласовании с вышесказанным вместе со всеми сведениями и общепринятым мерками, банкротство (несостоятельность) делилось в 3 вида (степени): невинную, злостную, а также особенно злостную. В начальном случае должнику могли предоставить отсрочку в уплате по собственным обязательствам. Во втором случае должник обладал вероятностью обеспечения рассрочки только лишь в том случае, если согласны все стороны обязательств, а в третьем случае почти практически никакие извинения, а

также оправдывающие требование никак не обладали вероятностью проявления воздействия на его положение, а кроме того должника могли даже передать рабство заимодавцу, или продавали в торгах-аукционах. Подобным способом этот тип операции аналогичен упражнению с римского полномочия, то, что возможно с того места, а также заимствовали российские займодавцы. Подобным способом этот тип операции аналогичен римским полномочиям, то что возможно могли заимствовать российские кредиторы [Михайленко, с.38].

Обязательно необходимо отметить, что в таком случае в Древней Руси работали разнообразные основы вместе с мишенью развития обязанностей должников перед кредиторами. В случае если при должнике был один кредитор, то его должника мог забрать к себе сам кредитор и он имел возможность удерживать его вплоть до таких времен, до тех пор, пока кредитор никак не проработает задолженность пред собственным заимодавцем. Во втором типе случая если у должника было множество кредиторов, то в этом случае учитывается индивидуальная собственность, а также приобретенные финансы ресурсы разделяли среди абсолютно всеми кредиторами в особенном режиме:

1. задолженность князю;
2. задолженность иногородним, а также заграничным заимодавцам (кредиторам);
3. обязанности абсолютно всем другим [Шипилова, с.34].

Присутствие в данном анализе права Древней Руси, допустимо оформить точное заключения касательно тем, что детальное регулирование конкурсных отношений в этой концепции никак не существует. Такой подход сопряжен с тем, что существовал период низкой степени финансовых взаимоотношений и данный уровень не достигнул современной вариации актуальности. Но согласно новой грани формирования рыночной экономики в стране, конкурсное право дало возможность развитию других сфер права и становилось актуально. Вместе с формированием и развитием торговли без

исключения все больше увеличивались эпизоды разорения торговцев, а также это было посылком к формированию концепции общепризнанных мерок касательно бедности – формирования особого конкурсного статута (устава).

Следующим этапом в развитии истории конкурсного права можно считать указ императрицы Анны Иоанновны, заверенный в 1740 году, был организован проект относительно статута банкротов «Банкротский Устав», основоположником коего был Глава Коммерц-коллегии аристократом Менгденом. В согласовании с высказываниями данного статута лицо владело другой силой влияния, а также имел возможность использоваться только лишь согласно взаимоотношению к субъектам, выполняющим трейдерскую службу, в состязательных отношениях использовался подход банкротства (несостоятельности). Распорядок с 1740 годы охарактеризовал очередность удовлетворенность обстоятельств самих заимодавцев:

1. Обязанности оплаты долгов храму, казне или школе;
2. Затраты, которые могли быть связаны вместе с конкурсом, оплата в настоящий время служителям должника;
3. Обязанности согласно векселю, оставившему всю силу вексельному полномочию;
4. Обязанности кредиторам, а также сиротам, чьи полномочия гарантированы задатком, что никак не располагается в их владении;
5. Другие условия: обязанности согласно векселям, какие лишились силу вексельного полномочия; комиссионным сделкам, отданные в комиссию, никак не остались, и не сохранились и прочие [Фирсова, с.19-26].

Подобным способом, в досоветский промежуток, согласно суждению цивилистов полномочия, учреждение института банкротства показывал собою значимый компонент трейдерского хода, а также относился к конкурсному праву, таким образом он имел возможность владеть свойствами общественного полномочия, а также нес именно систематизированный вид и характер. В первую очередь это вполне связано вместе с применением

совокупности общепринятых мерок, а также общепризнанных норм, регулирующих отношения должника и самого кредитора, а также кредиторов согласно пропорциональному ублаговторению условий, минувших из-за результата собственности должника в конкретной последовательности утвержденной законодательством очередности [Поздеева, с.51].

Усовершенствование конкурсного законодательства проводилось вплотную вплоть до революции 1917 года, уже после которой мог существовать предотвращение абсолютного процесса всех дооктябрьских действий. Данный период являлся начальным шагом развития российского законодательства относительно учреждения банкротства (несостоятельности). Ранее уже после свершения революции появился второй промежуток развития отечественного законодательства относительно разорения – общесоветский. Этот промежуток довольно кратковременный, так как начиная с 1930 года правоотношения, сопряженные вместе с банкротством, никак не регулировались. Учреждение банкротства (несостоятельности) на протяжении определенных десятилетий совсем никак не получал своего развития в силу собственно своей неактуальности. В период существования Союза ССР новейших общепризнанных норм касательно банкротства (несостоятельности) никак не принималось, а ранее вместе с основами 1990 годы, когда Советский Союз начал подключаться к рыночной экономике, появилась потребность в банкротстве (несостоятельности) компаний и уже в 1992 году Президентом Ельциным Б.Н. был принят указ № 623, а потом в марте 1998 года полноценный закон РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Постепенно законодательство менялось. Современный закон №127-ФЗ от 26.10.2002 года №127-ФЗ (ред. от 20.04.2021) «О несостоятельности (банкротстве)».

Присутствие данных общепринятых норм и мерок, регулирующие организация банкротства (несостоятельности) в российском дооктябрьском законодательстве, избегали многолетнее формирование, в существенном схожею совместно вместе с формированием законодательства стран

Западной Европы [Родыгин, с.28-34]. Но напрямую в этот период в Российской Федерации сформировался институт о банкротстве (несостоятельности), а кроме того, появилось развитие конкурсного права и возможности его развития в дальнейшем.

Подводя итоги формирования института банкротства (несостоятельности) в Российской Федерации, необходимо отметить, то, что в данный институт показывал колоссальное воздействие зарубежных элементов. В главную очередность в полном, в Российской Федерации прежде вместе с временами существования Русской Правды, осмыслив плюсы, а кроме того, выгоды рыночной экономики позволили расширить международные взаимосвязи, и теперь Российская Федерация имела возможность предоставлять зарубежным купцам различные обещания, к образцу – очередность удовлетворенность их обстоятельств присутствие банкротства [Дарбаков, с.32].

Третий период формирования учреждения бедности – сегодняшний (современный) – начался вместе с введением рыночной экономики в нашем государстве. Согласно сущности, конкурсное право дает возможность в Русской Федерации возникло вместе с опубликованием 14 июня 1992 года Указа Президента Российской федерация № 623 «О критериях согласно помощи, а также оздоровлению неосновательных муниципальных компаний (банкротов) а также использования к ним специализированных процедур». Установленный нормативно-правовой документ считался законодательной базой помощи муниципальных компаний, попавших банкротами, а кроме того, собственной мишенью обладал возможностью более успешного применения правительственного собственности, защиты справедливости граждан, а также заинтересованностей страны, кредиторов, а также трудящихся обществ несостоятельных компаний. Приказ никак не был отработан, а также включал довольно большое и частое число погрешностей, а также неточностей [Емельянцеv, с.47]. Непосредственно по этой причине ввели замену Указу Президента от 19 ноября 1992 года, при

этом он установил наиболее значительный, а также обширный Указ Русской Федерации «О бедности (разорении) предприятий», мишенью коего существовала организация компаний с рыночной экономики. В этом законе существовала и была впервые предпринята стремление к регулировке задач банкротства в отечественных обстоятельствах. Но, как продемонстрировала практическая деятельность и практическая база, невзирая на умения в фактическом управлении предприятий-должников, ввода арбитражных распоряджающихся, а также пополнения судебной практики, присутствие целой многогранной позитивной стороны и значимости в становлении состязательного полномочия, этот указ можно сказать вполне не был идеальным [Кован, с.21-26].

Переоценка законодательства касательно института банкротства (несостоятельности) начал последующим шагом в формировании учреждения бедности. 8 января 1998 года Общегосударственной Думой Федерационного собрания в Российской Федерации был установлен Общегосударственный указ «О несостоятельности (банкротстве)». Юридическая группа граней согласно предотвращению разорения уже давно была популярна на международной арене, а также в отечественной юридической литературной науке, также может применяться вариант присутствия концепции нормативных систем регулировки взаимоотношений согласно банкротству, вместе с тем, наиболее никак не представляя новейшим законным открытием. Мероприятия согласно предотвращению разорения в нынешних российских событиях в совокупном варианте существовали и зафиксированы в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

В событиях российского законодательства в первый раз существовало и было предпринято введение о скоплении нормативных действий касательно разорения единичной категории общепризнанных мерок, стабилизирующих мероприятия согласно предотвращению банкротства. Вплоть до последнего периода отечественное право никак не предугадывало способности применения такого института операций, более того эта отрасль

была новейшим смысловым аспектом и отправной точкой к последующему формированию законодательства касательно банкротства, рассматривающий необходимость нынешних обстоятельств формирования отечественной экономики [Толкунова, с.27-32]. Данный установленный указ гнал собственной мишенью ликвидировать имеющиеся недочеты, а также сформировать наиболее серьезный комплексный аспект к вопросу банкротства (несостоятельности). В законе существовали и были изменены все без исключения основные утверждения прежде, чем были отрегулированы аспекты, наружные свойства банкротства, а также процедура рассмотрения касательно разорения, причины внедрения, а также процедура выполнения любой с операций разорения. Один из самых значительных недочетов закона считалось недостаток залога заинтересованностей должника с преступного разорения, то, что повергло в последующем к деструкции функций института банкротства, а также, равно как результат, к изменению его общественного направления.

Подобным способом, вышеизложенные недочеты закона способствовали к срочному реформированию законодательства касательно бедности, а также 26 октября 2002 года был установлен и принят ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в коем наиболее подробно урегулированы социальные взаимоотношения в области банкротства, а также переправлены определенные недочеты. Нововведением в законодательстве считается совершенствования конкурсного полномочия, в коем довольно подробно открыт вопрос процесса экономического выздоровления, установлены причины возбужденности дел касательно банкротства, необходимость контроля обоснованности условий заявителя к должнику; трансформация с конкурсного права в наружное руководство, а самоуправляемые компании арбитражных распоряжающихся при замене активов должника; для которого характерны черты несостоятельности (банкротства), а также субъектов природных монополий и прочее [Пушкарева, с.32].

1 октября 2015 года вступила в силу поправка к ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ касательно банкротства (несостоятельности) физических лиц. Данные изменений имеют некоторые положительные условия в прохождении персонального банкротства (несостоятельности) физического лица. Один с них состоит в четком формулировании операции урегулирования задач вместе с кредиторами. Физическому лицу предоставляет вероятность приостановки долгового бремени, а кроме того аннулирования обязательств, которые в рамках исполнения процедуры банкротства, когда невозможно возместить долги, то можно прибегнуть к процессу распродажи имущества, как было упомянуто ранее. Банкротство подразумевает собой просвещенный способ урегулирования долговых проблем, в таком это является главным плюсом разрешения трудности в случае преступных действий коллекторов или противозаконных действий кредиторов [Сперанская, с.47]. Помимо этого, процедура реализуется в тяжёлом порядке, в таком случае, то, что служит дополнительным механизмом легитимной защиты, а также считается объективным присутствием охраны справедливости заинтересованностей граждан-должника.

Многозначность и неоднозначность процедуры банкротства, в соответствии с заключительными пределами, в данном виде, в каком непосредственно именно она существует на сегодняшний день, легко прослеживается в соответствии с статистическим данным. В фоне крайне существенного количества физиологических персон, а кроме того, ИП, чье финансовое положение подпадает под признаки и свойства банкротства и может протекать при ведении операции, но находят решение считанные единицы. На сегодняшний день действует довольно актуальный Федеральный закон Российской Федерации от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Тюньков, с.22].

Таким образом, в новом свете событий Российской Федерации законное урегулирование несостоятельности (банкротства) возможно

охарактеризовать один с наиболее действующих нормотворческих течений. Такая динамичность обуславливается с одного края – сложностью, а с другой стороны социально-экономической важностью объекта законного регулирования, вместе с иной точки зрения – обладающими серьезнейшими погрешностями, позволяющими неэкономическими методами переназначать связи управления своей собственностью.

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

2.1. СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Первоначально обращаясь к анализу субсидиарной ответственности учредителей юридического лица в деле о банкротстве представляется необходимым держать во внимании положение о сущности юридической ответственности, как реакции публичных институтов на правонарушение, преследующее своей целью устранение или смягчение его последствий, наказание правонарушителя и предотвращение новых нарушений, провозглашенное Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 21.03.2013 № 6-П [Покровский, с.64]. А также признание правовой природы субсидиарной ответственности контролирующего должника лица по обязательствам последнего, как разновидности гражданско-правовой ответственности, возникающей в связи с причинением ущерба имущественным правам кредиторов должника-юридического лица, что также отражается в правоприменительной практике, в частности – Определении Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2018 по делу А22-941/2006. При этом, сущность гражданско-правовой ответственности в отличии от иных видов юридической ответственности заключается в том, что на правонарушителя налагаются имущественные взыскания, призванные восстановить нарушенные права потерпевшего.

Также рассматривая контекст данного вида ответственности необходимо иметь ввиду, что несостоятельность, как юридическая категория следует из аналогичного экономического понятия, предполагающего недостаточность сбереженных в результате хозяйственной деятельности денежных средств и иных материальных активов для удовлетворения совокупности внешних требований, возникших также в результате

хозяйственной деятельности, обусловленное неэффективностью предприятия (либо недобросовестностью и / или неразумностью его руководителей), как внутренней формой явления [Покровский, с.71].

Соответственно, выход руководства предприятия (в первую очередь – его учредителей) за пределы нормальной рыночной конъюнктуры, влекущий причинение ущерба законным интересам кредиторов юридического лица, образует основание для привлечения такого руководства к субсидиарной ответственности в соответствии с положениями законодательства о банкротстве, а также гражданского законодательства в той части, которая не противоречит положениям специального законодательства. При этом, важно признать отмечаемое представителями правовой доктрины [Крячко, с.23] разграничение сущности субсидиарной ответственности по общим правилам статьи 399 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая), как дополнительной к ответственности другого субъекта общественных отношений, в то время, как регламентированная законодательством о несостоятельности субсидиарная ответственность представляет собой основной вид юридической ответственности контролирующего лица перед кредиторами должника-юридического лица [Филиппова, с.25].

Однако, совокупное толкование статьи 399 ГК РФ и специальных норм главы III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» представляется весьма важным с точки зрения выделения сущностных (характеризующих) особенностей рассматриваемого вида ответственности, как определенного рода формы синкретизма между дополнительной субсидиарной ответственностью и классическим деликтом:

1. Наличие специального круга субъектов правоотношений, состоящего из кредитора, должника и субсидиарного должника. Причем, субсидиарный должник одновременно является и правонарушителем, с точки зрения охранительной природы субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, допустившим поведение, вследствие которого кредитор лишился

возможности получить надлежащее исполнение от первоначального должника.

2. Следующий из особенностей субъектного состава компенсаторный характер правоотношений, то есть погашение субсидиарным должником остаточных требований, не удовлетворенных основным, но при этом на основаниях, сходных с основаниями гражданско-правового деликта, то есть в результате причинения вреда кредиторам – Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2015 по делу № А21-337/2013.

То есть, следуя логике позиции Верховного Суда, изложенной в Определении от 16.12.2019 по делу № А04-7886/2016, в широком смысле возникновение субсидиарного требования в деле о банкротстве происходит по основанию, отличному от основания возникновения первоначального требования, в отличие от классической субсидиарной ответственности, предусмотренной гражданским законодательством.

3. Наличие предусмотренного частью 3 статьи 15 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» механизма регрессного требования привлеченного к субсидиарной ответственности контролирующего лица к основному должнику (которые, при этом, будут удовлетворены после удовлетворения всех остальных требований к организации-должнику), аналогичного регрессивному требованию в классической субсидиарной ответственности [Шпилова, с.36].

Важно, при этом, отметить, что обе разновидности субсидиарных отношений (общегражданские и банкротные) подтверждают приоритет основного обязательства, но именно в субсидиарной ответственности, невыполнение должником своего основного обязательства исходит из наличия признаков несостоятельности и является наиболее вероятным событием, влекущим привлечение к исполнению обязательства субсидиарного должника-контролирующего лица [Денисова, с.25].

В свете вышеизложенного представляется правомерным вывод о том, что субсидиарная ответственность в деле о банкротстве основана на сложной

юридической структуре: причастности субсидиарного должника к возникновению несостоятельности основного должника; собственно несостоятельность основного должника и недостаточность активов для погашения требований кредиторов, наличие у субсидиарного должника особого статуса контролирующего лица. В свою очередь, в ходе дела о несостоятельности в контексте субсидиарной ответственности происходит своего рода слияния различных обязательств основного должника-юридического лица перед кредиторами в единое требование, обладающее общим количественным выражением, обязанность по удовлетворению которого частично переходит к субсидиарному должнику в связи с имеющейся неплатежеспособностью основного. В подобных условиях фактически на субсидиарного должника возлагается большая ответственность, нежели на основного, но при этом, вторичный должник не становится стороной основного обязательства, а между ним и кредитором возникают смежные правоотношения [Поздеева, с.14-19].

Сущность субсидиарной ответственности в деле о банкротстве проявляется также и при фактическом исполнении субсидиарным должником возложенной на него обязанности. Положения действующего законодательства предоставляют кредиторам, в интересах которых было принято решение о привлечении к субсидиарной ответственности, посредством арбитражного управляющего распорядиться возникшим правом: требовать исполнение субсидиарного обязательства в рамках дела о банкротстве; реализовать право требования в общем порядке реализации имущественных прав должника либо передать непосредственно самому кредитору право требования. При этом, по общему правилу, предусмотренному пунктом 2 части 4 статьи 61.17 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», субсидиарная ответственность контролирующего лица не разграничивается применительно к каждому кредитору и каждому отдельному обязательству, а осуществление принудительного исполнения предполагается от имени самого должника. Таким образом, по своей сути

обязанности субсидиарного должника в деле о банкротстве по общему правилу относятся к плоскости «от субсидиарного должника к должнику, а потом от должника к кредитору», но не «от субсидиарного должника-кредитору», что также отличает от общегражданской субсидиарной ответственности [Яковлев, Медведева, с.38].

Рассмотрев сущность и дуалистическую правовую природу субсидиарной ответственности в деле о несостоятельности, предлагается обратиться к анализу установленных нормами действующего банкротного законодательства оснований привлечения учредителя юридического лица к субсидиарной ответственности. Так, положениями главы III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматриваются следующие подвиды субсидиарной ответственности в деле о банкротстве:

1. Субсидиарная ответственность в связи с отсутствием возможности надлежащего удовлетворения требований кредиторов, или, как зачастую отмечается представителями юридической науки – «за доведение до банкротства», установленная положениями статьи 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

При этом основанием для привлечения к данному типу субсидиарной ответственности может быть вызван именно процессом бездействия КДЛ и как следствие невозможностью полного погашения требований кредиторов. Таким образом под бездействием КДЛ (контролирующих должника лиц) могут подходить действия, которые привели к обстоятельствам, которые способствовали банкротству должника. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» гласит, что в первую очередь судом будет оцениваться причинно-следственная связь между бездействием КДЛ и уже наступившем процессом банкротства [Локтева, с.52]. Исходя из вышеперечисленного стоит сделать вывод о том, что суд обязательно должен сопровождать

изучением процесса банкротства должника прежде, чем привлекать к субсидиарной ответственности КДЛ.

Неправомерные действия (пассивность) КДЛ имеют все шансы проявляться, в частности, в принятии основных деловых заключений вместе с нарушением процессов основ добросовестности, а также разумности, в этом числе:

- регулирование, завершение либо согласие сделок в заранее нерентабельных обстоятельствах для самой компания, либо заключение сделки, заранее неспособным выполнить обязанность перед другим лицом («фирмой-однодневкой» и т.д.);
- предоставление предписаний согласно предлогу совершения очевидно бесприбыльных действий;
- назначение в управляющие должности персон, итог работы которых станет несомненно не удовлетворять взгляды самой компании;
- формирование, а также сохранение такого рода концепции управления должником, что наставлено в регулярное получение выгоды третьей личностью в ущерб должнику, а также его кредиторам и т.д. [Мусева, с.45].

При этом в группу в которую может входить должник может быть реализована стратегия в которой предрасполагается получение должником выручки от его деятельности только при этом она была на порядок ниже, чем рыночная, но Постановлением Президиума ВАС РФ от 04.12.2012 № 8989/12 данный факт откровенно не запрещен, но с точки зрения именно ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» такая деятельность может быть зафиксирована как недобросовестная сделка, при условии если она доставляет ущерб кредиторам, то в таком случае имеется если доход в материальную массу должника могут стать кредиторской перегрузкой.

Многочисленное воссоздание хозяйственной деятельности при поочередно сменяющихся производственных единиц вместе с определенным

перечнем возможностей изнутри коллективной категории в варианте накопления существенной долговой перегрузки пред самостоятельными кредиторами вместе с периодическим направлением данной единицы в сторону операции разорения и с целью списания обязанностей, а также формированием новейшей, никак не отяжеленной долгами компании.

Эта законная точка зрения существовала сформулирована в Определении ВС РФ от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014 о банкротстве ЗАО «УГМК-Рудгормаш» и включена в п. 12 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2020), утв. Президиумом ВС РФ 23.12.2020: «Лицо обладающее субсидиарной обязанность согласно долгам должника – банкрота в случае, если несостоятельность обусловлено поступками должника, содержащимися в сути самой работы коллективной категории таким способом, то что в должника возлагаются только потери, а прочие члены категории приобретают доход. Личности, нанесшие ущерб вместе с лицами, осуществляющими контроль должника, облают субсидиарную обязанность совместно вместе с ним».

Рассматривая п.10 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» выполнение управляющим прямые обязанности согласно обращению в суд вместе с заявлением должника касательно своем разорении, равно как следует из статьи 9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве), никак не устанавливается во взаимосвязь от того, что существуют ресурсы должника, довольные с целью финансирования операций банкротства. Согласно п. 5 статьи 61 и п. 2 статьи 62 ГК РФ присутствие недостаточности собственности должника для оплаты должностных обязанностей, то данные обязательства могут возложить на его учредителей (соучастников) [Пушкарева, с.25-36].

Помимо вышеизложенного представляется необходимым провести некоторое отграничение субсидиарной ответственности за невозможностью надлежащего удовлетворения требований кредиторов должника-

юридического лица от во многом сходного основания ответственности в виде взыскания убытков с лиц, обладавших возможностью определять действия должника. При этом, как представляется автору настоящей работы, исходя из сущности нормативных положений статей 61.11 и 61.20 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а также разъяснений высшей судебной инстанции, содержащихся в пунктах 17 и 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53, следует руководствоваться относительными показателями потери имущественной массы должника, возникшей в результате деятельности контролирующего лица, с точки зрения возможности квалификации такой потери, как необходимой причины появления признаков несостоятельности должника, либо значительного роста диспропорции между его имущественной массой и размером обязательств, влекущего невозможность применения реабилитационных мероприятий и (или) значительную утрату возможности исполнения обязательств [Свириденко, с. 23-24].

Также представляется немаловажным заметить, что размер субсидиарной ответственности в деле о банкротстве аналогично своему «прародителю» определяется исходя из размера непогашенных основным должником требований в то время, как размер убытков, взыскиваемых в пользу контролируемого лица, в силу принципов полного возмещения убытков определяется исходя из размера фактически причиненного вреда.

2. Субсидиарная ответственность за неисполнение (ненадлежащее / несвоевременное исполнение) предусмотренной статьей 9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» обязанности по обращению в арбитражный суд с заявлением должника о признании последнего несостоятельным, установленная положениями статьи 61.12 ранее упомянутого закона.

Субсидиарная ответственность за несвоевременную подачу заявления для судебного разбирательства, ранее данные положения были предусмотрены п. 2 ст. статьи 10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а в

область субъектов этого типа ответственности вступали управляющий, а также ликвидатор/члены ликвидационной комиссии должника.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 266-ФЗ определил ответственность по данному пункту, который более подробно описывается в статье 61.12 Закона о банкротстве и, дополнив статьей 9 «О несостоятельности (банкротстве)» п. 3.1, расширил круг ее субъектов иными контролирующими должника лицами.

С учетом изменившегося законодательства, а также потребности использования объекта доказывания согласно ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», касательно привлечения к субсидиарной ответственности из-за несвоевременной подачи заявления должника применяемый к абсолютно всем субъектам этой ответственности, при этом можно считать правильным включить в этот объект следующие условия:

- присутствие у лица привлекаемой к субсидиарной ответственности, прямых обязанностей согласно условиям заседания в компании, а также обязанностей принятию подобного постановления, а также подаче этого заявления в арбитражный суд;
- несоблюдение либо несвоевременное выполнение лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, прямых обязанностей согласно условиям заседания в компании, а также обязанностей принятию подобного постановления, а также подаче этого заявления в арбитражный суд;
- отрицательные результаты в варианте неосуществимости удовлетворение условий кредиторов, согласно образовавшимся обязанностям уже после истечения срока, предусмотренного п.2-3.1 статьи 9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», вплоть до возбуждения процесса о банкротстве должника (возврата положения уполномоченного органа касательно признания должника банкротом).

В случае если по истечению месячного срока контролирующие лица должника никак не связывался с судом вместе с заявлением, в таком случае по истечению календарных суток со дня истечения данного времени:

- владелец собственности должника – единого унитарного предприятия должен дать разрешение об обращении в арбитражный суд инициируя судебный процесс вместе с заявлением должника;
- лица обладающие возможностью образовывать сбор дополнительного единого собрания акционеров (соучастников) должника, или другие осуществляющие контроль должника личности должны требовать выполнения преждевременного заседания органа управления должника, уполномоченного в утверждении постановления касательно ликвидации должника, с целью принятия заявления об обращении в арбитражный суд вместе с заявлением касательно признании должника банкротом, что обязано быть проведено по истечению десяти календарных суток с дня понятия условия касательно его созыве [Радыгин, Симачев, с.45].

Согласно единому правилу, который определяет сумму субсидиарной ответственности из-за неподачи заявления, включают все без исключения обязательства, образовавшиеся уже после истечения времени сроков подачи заявления вплоть до возбуждения процесса касательно банкротства.

С целью верного установления объема субсидиарной ответственности немаловажно понимать то, что период возникновения обязательства, как правило никак не сходится со сроком его выполнения (платежа). Завершающий (присутствие оплаты «по факту») появляется в наиболее поздний промежуток времени. В данной взаимосвязи, немаловажно установить которые непосредственно обещания пред кредиторами появились в промежуток КДЛ, осуществляющего контроль лиц (уклонения от подачи заявления), различая их с таких, согласно каким в данный промежуток наступили или подошли сроки выполнения платежей. Данный факт способен весьма значительно оказать влияние в объеме субсидиарной ответственности (Определение ВС №310-ЭС20-7837 от 28.09.2020 года).

Кроме того, присутствие установленного объема ответственности возможно устранить обязательства, образовавшиеся вследствие правоотношений, с каковых кредитор (в промежуток отклонения от подачи

заявления) никак не имел возможность воздержаться в силу тех либо других факторов (в том числе предпосылки, сопряженные вместе с общественным и социальным интересом). Список подобных исключений законодательством, а также опытным путем никак не установлен, а также в любом определенном случае обязан утверждаться по отдельности (Определение ВС № 306-ЭС17-13670 от 29.03.2018 года).

Подводя общие итоги проведенного анализа субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, представляется необходимым заключить, что представленная разновидность гражданско-правовой ответственности обладает целым рядом особенностей, подчеркивающих ее дуалистический характер, а именно: расширенный субъектный состав (контролирующие лица); наличие специальных условий возникновения ответственности; особая система транзита материальных благ от виновного контролирующего лица (субсидиарному должнику) к первоначальному должнику (находящемуся под контролем арбитражного управляющего) и последующим распределением данных благ между кредиторами, с последующей возможностью заявления субсидиарным должником регрессивного требования к основному должнику, удовлетворяемого после всех остальных [Поздеева, с.14-19]. Подобные признаки делают субсидиарную ответственность в деле о несостоятельности значительно шире общего правила, закрепленного в гражданском законодательстве.

Таким образом, в результате продолжавшейся по меньшей мере последние 15 лет эволюции правовых механизмов субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, полагается правомерным согласиться с выводами исследователей [Михайленко, с.33], заявляющих о возникновении в отечественном праве нового самостоятельного вида юридической ответственности.

2.2. ВЗЫСКАНИЕ УБЫТКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Отечественным законодателем при проведении полномасштабной реформы института ответственности в деле о банкротстве, получившей свое формальное выражение в нормах Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ, помимо всего прочего, было произведено существенное переосмысление взыскания убытков в деле о банкротстве, как специального основания юридической ответственности в рамках или в связи с проводимыми в отношении должника процедурами несостоятельности.

Актуальными положениями частей 1 и 2 статьи 61.20 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», предусматривается возможность обращения от имени должника-юридического лица заинтересованного субъекта из числа предусмотренных нормами закона, с заявлением о возмещении должнику-юридическому лицу, в отношении которого проводятся процедуры банкротства, убытков, причиненных в результате деятельности лица, обладавшего юридической и (или) фактической возможностью принимать решения, определяющие действия такого должника. Причем, требование о возмещении причиненных убытков может быть предъявлено в рамках любой процедуры банкротства, либо за ее пределами в установленных законом случаях. Существенным же отличием приведенных положений от действовавшего ранее, то есть до реализации вышеуказанной реформы банкротного законодательства 2017 года механизма возмещения вреда в деле о банкротстве являются:

- расширение оснований ответственности путем выхода за пределы допущенных причинителем вреда нарушений норм закона о банкротстве (часть 1 статьи 10 рассматриваемого закона), необоснованной подачи заявления о банкротстве или неприятия надлежащих мер, направленных на оспаривание необоснованного (неправомерного) требования кредитора (часть 3 статьи 10 Закона о банкротстве) (которые сохранились, но в виде специального положения статьи 61.13 Закона о банкротстве), и

распространения ответственности потенциально на любую деятельность контролирующих лиц по управлению должником;

- изменение потерпевшего лица, в пользу которого предполагается возмещение убытков, от самого заявителя, действующего от своего имени, к должнику, от имени и в интересах которого действует заявитель [Ткачев, с.51-63].

Обращаясь к более детальному анализу актуальных законодательных положений, касающихся возмещения убытков в деле о банкротстве, в первую очередь представляется необходимым установить сущность данного вида юридической ответственности. Для достижения данной цели предлагается обратиться к разъяснениям пункта 1, находящегося в разделе, регламентирующем общие принципы ответственности контролирующих должника лиц в деле о банкротстве (положения которого, в первую очередь, обращены к подинституту привлечения к субсидиарной ответственности, но, как представляется, могут в определенной степени относиться и к взысканию убытков), Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», характеризующим механизмы юридической ответственности в деле о банкротстве, как исключительный способ восстановления нарушенных прав кредиторов, основанный, на принципах самостоятельности и имущественной обособленности юридического лица и следующем из принципа добросовестности субъектов гражданских правоотношений, провозглашенных в нормах статей 10, 48 и 56 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая), а равно недопустимости недобросовестного использования правовой природы юридического лица для целей причинения вреда самому контролируемому лицу, а равно иным участниками гражданского оборота.

Вместе с тем, продолжая логическую концепцию высшей судебной инстанции полагается справедливым замечание о том, что в данном

контексте причинение вреда посредством использования института юридического лица будет состоять в использовании фикции юридического лица [Танимов, Крапивина, с. 54], которое, не смотря на то, что обладает полной гражданской правосубъектностью, не имеет какого-либо материального воплощения и собственной воли, а является представленной конкретными людьми, обладающими собственными интересами. Соответственно, такой человек, контролирующий и представляющий юридическое лицо, может действовать вопреки принципам добросовестности и следующих из них интересов юридического лица в осуществлении деятельности в соответствии с устоявшимися правилами оборота, стремясь каким-либо образом обратить в свою пользу имущественную массу (в широком смысле, как все принадлежащие такому субъекту объекты гражданских прав, которые могут быть отчуждены) представляемой организации, тем самым причинив последней убытки. А, соответственно, в условиях несостоятельности уменьшение имущественной массы должника, из которой планируется осуществление полного или частичного расчета с кредиторами, также посягает на охраняемые интересы последних [Суворов, с.54].

И, как полагает автор настоящей диссертации, именно по этой причине законодателем была введена вышерассмотренная конструкция возмещения недобросовестным контролирующим лицом убытков в пользу самого должника-юридического лица, которое при заявлении и поддержании соответствующего требования представляют указанные в законе заинтересованные лица. Кроме того, по этой же причине сама по себе процедура взыскания убытков в части порядка исполнения существенно отличается от процедуры привлечения к субсидиарной ответственности: в рамках возмещения убытков недобросовестный представитель юридического лица возмещает причиненные убытки должнику, который уже действуя добросовестно через добросовестных представителей, рассчитается с кредиторами. Кроме того, исходя из приведенного анализа усматривается

генеалогическая связь обновленного подинститута ответственности в виде взыскания убытков в деле о банкротстве и упоминаемого ранее в настоящей работе института ответственности руководителя юридического лица, устанавливаемого положениями статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая), а также нормами специальных законов, регулирующих отношения по участию и управлению конкретными организационно-правовыми формами юридических лиц.

В свете вышеизложенного особого внимания заслуживает позиция Арбитражных судов Дальневосточного и Западно-Сибирского округа, изложенная в Постановлениях от 15.10.2018 по делу № А73-550/2016 и от 01.11.2018 по делу № А45-27751/2015 и основанная на нормах гражданского и корпоративного законодательства, а также разъяснений высших судебных органов, и состоящая в признании гражданско-правового характера ответственности в виде взыскания убытков в деле о банкротстве, из чего следует распространение на рассматриваемые отношения телеологических функций гражданско-правовой ответственности [Мусаева И.М., с. 67], таких как: компенсационная (играющая важнейшую роль для кредиторов должника-юридического лица); репрессивная и превентивная (которые призваны воздействовать на само контролирующее лицо, исключив выгоду в его недобросовестном поведении), а также формирование судами исходя из общих принципов гражданско-правовой ответственности и процессуальных требований о распределении бремени доказывания определенной совокупности условий, как основания для квалификации конкретного поведения, как причинения убытков должнику и применении механизмов юридической ответственности:

1. Наличие самого факта претерпеваемых должником-юридическим лицом убытков, определяемых по правилам статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая), как совокупности расходов, понесенных и (или) требуемых для восстановления должного в условиях нормального хозяйственного оборота положения, которое, как полагается

аналогично тому, что имело место до нарушения охраняемого законом интереса потерпевшего лица (должника-юридического лица) либо стоимости утраченного или поврежденного имущества (т.е. реального ущерба) и неполученных потерпевшим лицом доходов, получение которых являлось наиболее вероятным с учетом предпринятых потерпевшим действий по их получению и условий нормального гражданского оборота, отсутствия нарушения права. Данная позиция широко представлена в актуальной судебной практике арбитражных судов, в частности – Постановлениях Арбитражных судов Дальневосточного округа от 15.10.2018 по делу № А73-550/2016 и Уральского округа от 20.04.2022 по делу № А60-49801/2013.

То есть, должно иметь место реальное сокращение имущественной массы должника либо неполучение последним дохода, которое, к тому же, должно быть подтверждено документально.

Более того, при рассмотрении вопроса о взыскании убытков в виде упущенной выгоды существенное значение имеет не только определение самого размера материального выражения неполученной выгоды, но и исследование вопроса о наличии реальной возможности получить такую выгоду, а также факт приготовления и принятия контролирующим должника лицом всех разумных мер для получения выгоды в пределах имевшейся компетенции.

В этой связи представляется необходимым обратить внимание, как справедливо отмечается Арбитражным судом Уральского округа в Постановлении от 20.04.2022 по делу № А60-49801/2013, недоказанность реальности возможности генерации прибыли в условиях, имевших место в данный период времени, влечет отказ в удовлетворении требований о взыскании упущенной выгоды. При этом, как представляется, в целом отсутствие извлечения прибыли среди целей деятельности должника в конкретный момент времени (к примеру, после ведения в отношении последнего процедуры конкурсного производства, имеющей своей целью сохранение и подготовку имущества должника к отчуждению посредством

торгов и последующий расчет с кредиторами), создает концептуальную невозможность удовлетворения подобного требования [Фирсова, Насибов, с.48].

2. Наличие специального субъекта ответственности – лица, обладающего юридической или фактической возможностью воздействовать на действия и решения должника-юридического лица (контролирующее лицо). Перечень указанных лиц определяется в части 1 статьи 61.20 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и включает в себя:

1. лиц, уполномоченных в силу закона выступать от имени юридического лица, что, согласно пунктам 1 и 3 статьи 53 Гражданского кодекса РФ (часть первая) в первую очередь относится к единоличному исполнительному органу и иным лицам в соответствии с учредительным документом, деятельности которых традиционно уделяется наиболее внимание со стороны кредиторов, уполномоченного органа и новых представителей несостоятельного юридического лица;
2. лиц, обладающих возможностью определять и (или) воздействовать на действия и решения должника-юридического лица, которые можно дифференцировать по признаку природы происхождения такой возможности:
 - 2.1. юридический контроль, то есть определение действий юридического лица в соответствии с полномочиями, наличествующими в связи со статусом члена коллегиального органа управления юридического лица либо учредителя (участника) юридического лица, наделенных в силу положений действующего законодательства (статьи 53 и 65.2 ГК РФ) возможностью принимать решения по направлению деятельности организации;
 - 2.2. фактически – то есть лица, не обладающие напрямую полномочиями по принятию решений, обязательных для должника-юридического лица, но в действительности прямо либо

опосредовано (через иных лиц) способны влиять на принимаемые решения.

Говоря о субъекте ответственности, следует также заметить, что представители правовой доктрины [Метелева, с. 31-33] и суды, принимая во внимание отсутствие законодательного указания на перечень лиц, которых можно рассматривать, как фактически определяющих деятельность должника для целей реализации ответственности в виде взыскания убытков, обращаются к самой сущности такого фактического влияния, ориентируются на аналогичные положения статьи 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», определяющие перечень контролирующих лиц для целей привлечения к субсидиарной ответственности, а также к определениям аффилированных лиц в соответствии с Законом РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности» от 22.03.1991 № 948-1; взаимозависимых лиц в соответствии со статьей 105.1 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ, а также к правовой концепции бенефициарных собственников, то есть лиц, которые фактически не владеют долями в организации-должнике и не занимают какого-либо положения, но являются конечным центром принятия решений через цепочку группы аффилированных организаций.

3. Виновное поведение ответчика, находящееся в причинной связи с понесенными убытками. То есть условием признания уменьшения имущественной массы должника (или неполучения им же полагающейся прибыли) убытками, подлежащими взысканию с контролирующего лица, является установление факта их причинения в результате конкретного виновного деяния (действия либо бездействия) такого лица.

В этой связи для более детального раскрытия сути приведенного положения предлагается осуществить его разделение на ряд элементов:

3.1. Вина, как интеллектуально-волевое отношение контролирующего лица к совершаемому деянию, состоящее в наличии умысла или неосторожности и характеризующаяся определяемыми исходя из общих

положений пункта 3 статьи 53 Гражданского кодекса РФ (часть первая) признаками недобросовестности и (или) неразумности при принятии руководящих для должника-юридического лица решений [Метелева, с. 36-37].

Более подробно критерии недобросовестности и неразумности в действиях контролирующего лица, которыми руководствуются юрисдикционные органы при решении вопроса о квалификации действий контролирующих лиц для целей применения ответственности в виде взыскания убытков, представлены разъяснениями Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Постановлении Пленума от 30.07.2013 № 62, суммируя которые представляется правомерной следующая характеристика сущности вышеуказанных критериев субъективного отношения контролирующего лица:

- недобросовестность – осознанное нарушение интересов юридического лица, определяемых исходя из целей извлечения прибыли для коммерческой организации (пункт 1 статьи 50 ГК РФ) либо определенных уставом целей деятельности для некоммерческой организации;
- неразумность – игнорирование обстоятельств, имеющих существенное значение для принятия управленческих решений, неосмотрительность при анализе таких обстоятельств, а равно непринятие надлежащих мер к организации бизнес-процессов, управления в подконтрольной либо недостаточный для нормального ведения деятельности контроль над действиями работников и контрагентов юридического лица и общим состоянием дел на предприятии.

3.2. Деяние, как конкретное поведение контролирующего лица (при этом, применительно к особенностям настоящего исследования, таким лицом является учредитель (участник) либо фактический владелец организации-банкрота), непосредственно связанное с осуществлением им полномочий по определению действий управляемой организации, которое может выражаться:

1. в активных действиях, среди которых наиболее частотными являются:
 - 1.1. одобрение участниками юридического лица сделки по отчуждению имущества должника, обладающей признаками подозрительности на основании статьи 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в условиях наличия признаков несостоятельности к моменту ее одобрения и совершения, с зачетом встречного исполнения по сделке и предыдущей кредиторской задолженности несостоятельного юридического лица т.е. фактически с намерением осуществить неправомерное перераспределение имущественных активов должника и на невыгодных для должника условиях (Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.10.2018 по делу № А33-1194/2014);
 - 1.2. формирование участниками должника-юридического лица схемы организации вывода получаемых подконтрольной организации денежных средств из имущественной массы должника и одобрение мнимых и притворных сделок, направленных на реализацию соответствующего умысла (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.05.2021 по делу № А40-88791/2018);
 - 1.3. получение учредителем юридического лица от контрагентов контролируемой организации денежных средств в счет исполнения обязательств в счет исполнения гражданско-правовых обязательств, имевших место между должником и третьим лицом, и последующее присвоение данных денежных средств, т.е. невнесение их в кассу предприятия (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.12.2019 по делу № А72-12668/2014);
 - 1.4. неправомерное перераспределение учредителем юридического лица денежных активов организации-должника в пользу иного подконтрольного юридического лица при фактическом отстранении единоличного исполнительного органа от осуществления деятельности по управлению и контролю имуществом и

- имущественными правами должника (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 06.09.2019 по делу № А59-3354/2017, оставленное без изменения Определением Верховного Суда РФ от 31.12.2019);
- 1.5. сокрытие учредителем юридического лица приобретенного контролируемой организацией имущества (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.05.2022 по делу № А56-23377/2019).
2. бездействию, то есть неисполнению установленной юридической обязанности по выполнению каких-либо мероприятий в сфере управления контролируемой организацией, в том числе, но не ограничиваясь:
- 2.1. непринятие учредителем юридического лица (совместно с руководителем) мер по повышению рентабельности или прекращению убыточной экономической деятельности подконтрольной организации (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.06.2022 по делу № А82-18391/2016);
- 2.2. одобрение участниками юридического лица нетипичной для делового оборота сделки, связанной с предоставлением должником предварительной оплаты в размере большей части цены договора и отложенным во времени встречным исполнением, но в отсутствии каких-либо мер обеспечения исполнения встречного обязательства, а также непринятие мер по контролю за исполнением контрагентом обязательств и взысканию образовавшейся дебиторской задолженности (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.11.2019 по делу № А 60-49376/2015);
- 2.3. уклонение участника юридического лица от исполнения обязательств по возврату в натуре имущественных активов должника, неправомерно распределенных в свою пользу на основании сделок, признанных мнимыми (Постановление

Арбитражного суда Поволжского округа от 10.12.2018 по делу № А57-17854/2014).

3.3. Причинная связь между совершенным контролирующим лицом в рамках определения направлений деятельности подконтрольной организации деянием (управленческим решением), отвечающим признакам неразумности и (или) недобросовестности и наступившими для организации-должника негативными последствиями в виде потери части имущественной массы / неполучением прибыли.

В этой связи представляется немаловажным уделить внимание тому, что разъяснения высших судебных инстанций, в том числе, изложенные в абзацах 3 и 5 пункта 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 указывают на недопустимость формального подхода при установлении наличия либо отсутствия такой связи, предполагающего отождествление темпорального периода исполнения наличия у ответчика статуса учредителя несостоятельного юридического лица и понесенных убытков. Также высшая судебная инстанция требует отграничивать убытки, связанные с экономическими рисками, свойственными характеру предпринимательской деятельности (когда отсутствует вина контролирующего лица и причинная связь с его деятельностью) и связанные с поведением означенных субъектов [Яковлев, Медведева, с.42].

Подводя итог рассмотрению ответственности учредителей юридического лица в виде взыскания причиненных подконтрольному должнику убытков, представляется необходимым отметить, что механизм взыскания убытков при банкротстве по своей сути является продолжением общего правила корпоративного законодательства о взыскании убытков с контролирующих лиц, адаптированным к особенностям рассмотрения такого дела.

Также важной чертой данного вида ответственности является отсутствие нормативно установленного периода контроля, характерного для субсидиарной ответственности, что позволяет заявлять требования о

взыскании убытков исходя из самого факта их причинения и общих положений гражданского законодательства об исчислении сроков исковой давности с учетом момента, когда потерпевшее лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Причем, что касается юридического лица-банкрота, такой срок будет исчисляться с момента перехода контроля над организацией иному, незаинтересованному субъекту [Вдовин, с.19].

Также необходимо обратиться к позиции высших судебных инстанций, основанной на положениях гражданского и корпоративного законодательства касательно разграничения ответственности руководителя организации и ее учредителей с существенным превалированием ответственности именно исполнительного органа. В частности, Высший Арбитражный суд РФ в постановлении Пленума от 30.07.2013 № 62 отмечает, что причинившее убытки поведение руководителя юридического лица, одобренное или продиктованное решением учредителей, не может являться обстоятельством, исключающим самостоятельную обязанность последнего действовать разумно и добросовестно, соблюдая интересы представляемой организации, но является основанием для привлечения к ответственности принявших решение учредителей. В развитие подобной позиции Верховным Судом РФ в пункте 16 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. 25.12.2019) провозглашается обязанность руководителя юридического лица производить оценку выгод и рисков принимаемых решений, не делегируя данные вопросы иным лицам, в том числе – учредителям [Баранец, с.18].

В заключение необходимо отметить, что, как следует из рассмотренных выше принципов вины, учредитель (а равно член иного коллегиального органа) юридического лица, проголосовавший против принятия потенциально вредного для организации решения либо воздержавшись от голосования по данному вопросу, не подлежит ответственности в виде взыскания убытков. В тоже время, на сторонников спорного решения будет возложена солидарная ответственность.

ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

3.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ В УСЛОВИЯХ НАЛИЧИЯ БЕНЕФИЦИАРНОГО СОБСТВЕННИКА

По результатам совокупного исследования общих теоретических положений, нормативного регулирования (особенно, в свете реформы института ответственности в деле о банкротстве, проведенной в соответствии с Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ и последующих разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53), статистики и правоприменительной практики складывается достаточно целостная картина самодостаточного института частноправовых способов противодействия недобросовестному и (или) неразумному поведению контролирующих лиц, в первую очередь – собственно владельцев предприятия, причиняющего ущерб последнему и его кредиторам. Вместе с тем, опираясь на приводимую в настоящем исследовании статистику, демонстрирующую невысокую степень удовлетворения требований кредиторов по результатам дел о несостоятельности, а равно невысокую активность работы по привлечению к ответственности контролирующих должника лиц и весьма спорные результаты рассмотрения данной категории обособленных споров, вкуче с отмечаемой некоторыми учеными [Куркин, с. 38] фактической направленности деятельности учредителей юридических лиц на неправомерное перераспределение активов должника и активным развитием экономических отношений в условиях рыночной модели хозяйствования, представляется крайне важным для выработки предложений по совершенствованию ответственности в деле о несостоятельности

осуществить анализ означенных проблем с точки зрения актуальной практики применения рассматриваемых юридических механизмов.

Первоначально необходимо отметить крайне положительный эффект систематизации ответственности в деле о банкротстве, произошедшей в результате реформы 2017 года на показатели практической реализации деликтного аспекта: по данным исследователей [Федотова, с.19], в 2018 году произошел троекратный рост инициации споров о привлечении к юридической ответственности за недобросовестные действия контролирующих лиц и десятикратный рост числа удовлетворенных по результатам таких споров требований. Подобная тенденция объясняется созданием системы правовых презумпций, перераспределяющих бремя доказывания в пользу потенциально недобросовестного руководителя или учредителя, а также формированием положений о контролирующем лице (в том числе, фактически определяющем действия должника), как о субъекте юридической ответственности.

Непосредственно из положений о фактически контролирующем должника лице вытекает проблема ответственности конечного бенефициара должника (именуемого в англо-саксонском праве бенефициарным собственником), то есть лица, формально не имеющего юридической связи с контролируемой организацией-должником, но оказывающего реальное влияние на принимаемые решения, в том числе в контексте юридической ответственности, связанные с неправомерным выводом денежных средств и иных имущественных активов.

В этой связи автор полагает справедливой характеристику фактического статуса бенефициарного собственника аналогичной статусу учредителя юридического лица с полным или частичным также поглощением функций единоличного исполнительного органа. Особенно, в случае распределения экономической активности по так называемым «рисковым» и «безрисковым» частям, аккумулировании убытков в конкретном юридическом лице, которое, тем не менее по общему правилу будет

считаться обособленным субъектом общественных отношений, самостоятельно за счет своего имущества несущим юридическую ответственность.

Нормативные положения пункта 4 части 2 статьи 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривают открытый перечень способов воздействия лица, осуществляющего фактический контроль за деятельностью должника, на принимаемые решения. При этом часть 9 статьи 61.11 названного закона допускают полное или частичное освобождение от ответственности так называемого номинального руководителя или учредителя в случае содействия последним установлению конечного бенефициара, либо скрываемого имущества должника. В свою очередь, Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 21.12.2017 № 53 декларирует недопустимость формального подхода к квалификации конкретного субъекта, как подлежащего юридической ответственности контролирующего лица, но не исключает ответственности последнего (по общему правилу – субсидиарной вместе с фактически контролирующим лицом). Кроме того, в законе и разъяснениях высшей судебной инстанции провозглашается презумпция наличия признаков контролирующего лица у выгодоприобретателя недобросовестных / неразумных решений контролируемой организации [Гутников, с.23].

Развивая указанные положения, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определениях от 07.10.2019 по делу № А56-83793/2014 и от 15.02.2018 по делу № А19-1677/2013 выделяет в качестве одного из критериев выявления скрытых бенефициаров недобросовестного поведения аномальную, невозможную в нормальном гражданском обороте, синхронность действий указанных лиц в условиях отсутствия объективных экономических причин. При чем, в письме ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ отдельно отмечается отсутствие разумного противодействия со стороны номинальных руководителей и учредителей организации-должника деятельности бенефициарного собственника.

Аналогичным образом, высшая судебная инстанция в Определении от 06.08.2018 по делу № А22-941/2006 вводит критерий наличия в деле бенефициарного собственника и одновременно критерий доказывания осуществления им воздействия на деятельность должника и принимаемые его органами управления решения через раскрытие имеющихся между должником и контролирующим лицом массы структурированных корпоративных связей, призванных обеспечить сокрытие информации о подлинных взаимоотношениях данных субъектов.

Соответственно, в условиях становления и активного практического развития механизмов привлечения к частноправовой ответственности в деле о банкротстве контролирующих лиц, как реакции на начавшееся в 00-х годах XX века использование сложных корпоративных схем управления хозяйственной деятельностью, в том числе, для неправомерного и необоснованного перераспределения прибыли и убытков внутри составляющих такую схему организаций, дальнейшее совершенствование средств установления конечного бенефициара и применения по отношению к нему предусмотренных законом мер ответственности представляется необходимым для достижения глобальных целей эффективности и сбалансированности рассматриваемой отрасли общественных отношений.

При этом, говоря о практическом аспекте совершенствования механизмов ответственности бенефициарного собственника, необходимо отметить, что судебной практикой также признается наличие существенных сложностей в доказывании обстоятельств влияния контролирующего лица на принимаемые должником решения и следующее за ними уменьшение имущественной массы последнего, обусловленное естественным нежеланием контролирующего лица раскрывать имеющиеся связи и объективным отсутствием соответствующих документов у нейтральной стороны (кредитора или арбитражного управляющего). В этой связи Верховным Судом Российской Федерации в Определениях от 06.08.2018 по делу № А22-941/2006 и от 15.02.2018 по делу № А33-1677/2013 при квалификации

конкретного лица, как контролирующего должника, особое внимание уделяется использованию системы согласующихся косвенных доказательств, являющихся отражением поведения данных субъектов «во вне».

Из чего следует предоставляемая заявителю возможность действовать в рамках правила «разумного предположения», и следующая необходимость предполагаемого нарушителя опровергнуть доводы о своей причастности в принятии порочных решений или наличие объективного смысла в таких решениях в рамках нормального хозяйственного оборота [Крупский, с.26-39].

Из рассмотренного выше вопроса определения контролирующего лица следует вопрос о качественном и количественном составе субъектов рассматриваемого вида ответственности (возможности признания контролирующим должника лицом другого юридического лица).

Положения статьи 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» допускают в равной степени возможность признания контролирующим субъектом, как физических, так и юридических лиц.

При этом, нормами абзаца 3 части 3 статьи 6 ФЗ «Об акционерных обществах» и абзаца 3 части 3 статьи 6 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» устанавливаются положения, согласно которым наступление несостоятельности дочернего или зависимого общества по вине основного юридического лица (обладающего в силу наличия доли в уставном капитале, соглашения, иного условия возможностью определять принимаемые решения) является основанием для привлечения последнего к субсидиарной ответственности, то есть имеют место прямо предусмотренные законом случаи, в которых юридическое лицо напрямую полегит субсидиарной ответственности по долгам другого юридического лица. Конституционность и практическая значимость приведенных положений подтверждена Определением Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 № 846-О. Аналогичным образом, имеется и актуальная практика Верховного Суда Российской Федерации о привлечении к субсидиарной ответственности другого юридического лица: Определением от 06.08.2018 по делу № А22-

941/2006 подтверждена законность привлечения к субсидиарной ответственности сразу нескольких юридических лиц, квалифицированных как контролирующих.

Вместе с тем, как следует из выводов Постановления Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П, юридическое лицо, будучи самостоятельным деликтоспособным субъектом, тем не менее всегда совершает противоправное деяние опосредованно, то есть через действия конкретных физических лиц, обладающих интеллектуально-волевым отношением к такому деянию. Соответственно, лица, совершившие посредством юридического лица противоправные действия, повлекшие причинение ущерба права требования (в случае рассматриваемого дела – обязательств перед бюджетной системой Российской Федерации), не освобождаются от личной обязанности по возмещению причиненного вреда. Подобная позиция представляется весьма интересной в контексте развития мер юридической ответственности в деле о банкротстве в части лишения недобросовестного бенефициара возможности «скрыться за корпоративной вуалью», оставив вместо себя еще одно обособленное юридическое лицо.

Особенно актуальна данная проблема в условиях контролируемого банкротства «убыточно» структуры внутри подчиненной одному бенефициару группы компаний.

В связи с чем, предлагается дополнить положения ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» положениями, касающимися бенефициарного собственника, как особого вида контролирующего физического лица, обладающего фактическим влиянием на принимаемые должником решения. Квалификацию же конкретного субъекта, как бенефициарного собственника предлагается осуществлять исходя из, но не ограничиваясь, ряда критериев: наличие факта извлечения таким субъектом выгоды из недобросовестного или неразумного поведения подконтрольного лица; аномальной слаженности действий бенефициарного собственника и должника, не свойственной для независимых друг от друга участников

делового оборота; отсутствие какого-либо противодействия влиянию бенефициарного собственника и навязываемым им решениям со стороны потенциально номинального руководства юридического лица; наличие сложной схемы корпоративных отношений, дистанцирующей бенефициарного собственника от должника. При доказывании отнесения субъекта к числу бенефициарных собственников предлагается использовать правило разумного предположения заявителя, основанного на косвенных доказательствах и опровергаемого непосредственно ответчиком, как потенциальным владельцем наиболее обширной информации о подконтрольной организации.

Кроме того, поскольку предлагается считать конечного бенефициарного собственника именно как физическое лицо, обладающее автономной волей и реализующей ее посредством подконтрольных организаций, одновременно вместе с таким субъектом предлагается осуществлять солидарное привлечение к ответственности всей цепочки подконтрольных юридических лиц, входящих в указанную группу. Подобное правило представляется обоснованным в условиях подконтрольности указанных субъектов умыслу бенефициарного собственника, а также своего рода дифференциации подконтрольных организаций на «аккумулирующих прибыль» и «аккумулирующих убытки», то есть фактически недобросовестного использования принципа имущественной обособленности юридического лица для перераспределения обязательств в рамках единой хозяйственной деятельности группы юридических лиц [Кузнецов, с.41].

Также немаловажными факторами предлагаемого преобразования являются повышение доли удовлетворенных требований кредиторов должника-юридического лица за счет использования активов иных подконтрольных организаций, а равно препятствование извлечению недобросовестным контролирующим лицом имущественной выгоды из своего неправомерного поведения посредством вывода и накопления активов у подконтрольной организации.

3.2. ПРОНИКНОВЕНИЕ ЗА КОРПОРАТИВНЫЙ ЗАНАВЕС, КАК РЕАКЦИЯ НА НЕДОБРОСОВЕТСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ УЧРЕДИТЕЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Исходя из рассмотренных в настоящей работе общих положений гражданского законодательства об автономии юридического лица, как лица, обладающего полной правосубъектностью и способного самостоятельно нести гражданские обязанности и отвечать по ним собственным обособленным имуществом. При этом, по общему правилу, установленному статьей 56 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая), учредитель юридического лица не несет ответственности по обязательствам подконтрольной организации. В тоже время рассматриваемое нормативное положение допускает возможность формирования на законодательном уровне случаев, при которых будет допускаться возможность распространения ответственности юридического лица на его участников [Крупский, с.29-34].

К числу таких случаев, помимо всего прочего, отнесены предусмотренные главой III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», основания ответственности руководителя должника и иных лиц (в том числе – учредителей) в деле о банкротстве, предусматривающие возложение на таких лиц субсидиарной ответственности или обязательства о возмещении убытков за причинение вреда подконтрольной организации и имущественным правам ее кредиторов. Причем в данном случае учредители юридического лица и его должностные лица, а равно иные контролирующие субъекты являются уравниваемыми.

Между тем, учредители юридического лица, будучи субъектами, принявшими решение о его создании, и осуществляющими деятельность по определению основополагающих направлений его деятельности, принятии важнейших управленческих (внесение изменения в учредительные документы, ликвидация организации и т.д.) и кадровых решений, в том числе

– назначение и отстранение от должности единоличного исполнительного органа юридического лица. Вместе с тем, учредители юридического лица являются наиболее полноправными субъектами управления его деятельности, не отчитывающимися о своих решениях перед кем бы то ни было.

Соответственно, принцип так называемой «корпоративной вуали», как обособленности юридического лица, может весьма широко использоваться недобросовестными учредителями для получения несправедливых преимуществ в распределении доходов и обязательств организации. В подобных условиях действует доктрина «alter ego», согласно которой организация представляет собой инструмент воли своих учредителей [Евтеев К.И., с. 21]. Таким образом, возвращаясь к правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П, состоящей в признании невозможности фактического совершения юридическим лицом какого-либо (в том числе, противоправного) деяния в отсутствие воли конкретного физического лица, причем, как было отмечено выше, ключевыми фигурами в определении деятельности организации являются именно ее учредители [Метелева, с.55].

В этой связи представителями западной юридической мысли разработаны и введены в действие доктрины «снятия корпоративного покрыва // пронизывающей ответственности», предполагающей возможность игнорирования обособленности юридического лица при наличии особых к тому условий, образованных поведением его учредителей и для достижения целей справедливости и теория экономического единства, применяемая к отношениям, связанным с деятельностью групп компаний, осуществляющих совместное ведение хозяйственной деятельности [Егоров А.В., Усачева К.А., с. 6-16]. Соответственно, ключевым фактором для применения подобных концепций является единство интересов контролируемой организации и ее учредителей, выражающееся в игнорировании последними «формальностей

юридического лица», в первую очередь смешение и нецелевое использование денежных средств и активов подконтрольного субъекта (в том числе, неправомерный намеренный вывод имущественных активов из распоряжения юридического лица в собственную пользу или «подрыв жизнеспособности общества», состоящий в распоряжении имуществом подконтрольного юридического лица таким образом, который противоречит собственным интересам организации, состоящим в исполнении своих обязательств).

Стоит также отметить, что представителями отечественной правовой доктрины также исследуется сущность субсидиарной ответственности при банкротстве через призму западного опыта [Евтуев, с. 20-22]. При этом, предусмотренное статьей 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» основание субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов (доведение до банкротства) представляет собой нарушение охраняемых кредиторов должника-юридического лица, допущенное контролирующим лицом и данная ответственность состоит в погашении контролирующим лицом той части обязательств перед кредиторами, для удовлетворения которой не хватило имущественных активов подконтрольной организации, т.е. после расчетов последней с кредиторами. В свою очередь, наиболее частотным случаем причинения вреда правам кредиторов учредителями юридического лица (которые зачастую одновременно и выступают в роли единоличного исполнительного органа) в правоприменительной практике связаны с прямым и целенаправленным выводом и присвоением активов подконтрольного юридического лица, то есть со стороны контролирующих лиц имеет место смешение активов и подрыв жизнеспособности организации.

В этой связи, в условиях нарушения самим учредителем корпоративного покрова и имущественной обособленности подконтрольной организации. Соответственно, результатом такого присвоения становится полномасштабное смешение активов, а также неправомерное извлечение

выгоды из имущественной массы юридического лица, предназначавшейся для расчетов с кредиторами.

Таким образом, согласованность действий недобросовестного учредителя и должника, обусловленная общей для обоих субъектов волей того самого учредителя, в большей степени соответствует деликтному правилу о солидарной ответственности за совместно причиненный вред – статья 1080 Гражданского кодекса РФ (часть вторая).

Соответственно, для целей наиболее эффективного достижения превентивных и компенсаторых задач ответственности в деле о банкротстве (к тому же по основанию, связанному с «лишением жизнеспособности подконтрольного субъекта»), а также достижения справедливости путем отступления от принципов автономии юридического лица, аналогично допущенному недобросовестным учредителем при выводе активов, предлагается сформировать подинститут солидарной ответственности учредителей юридического лица в деле о банкротстве в связи с недобросовестными действиями, состоящими в значительном уменьшении имущественных активов подконтрольного лица и сопряженными с извлечением учредителем материальной выгоды [Суворов, с.24].

При этом, ключевой особенностью солидарной ответственности, применимой в настоящем случае будет являться возможность кредитора получить исполнение в полном объеме или в желаемой части от любого из солидарных должников. То есть, сохраняя сложившееся правило об исполнении требования о привлечении к субсидиарной ответственности, при привлечении учредителя юридического лица к солидарной ответственности, суд, не будучи связанным необходимостью ожидания окончания расчетов по погашению задолженности из имущества организации-должника, принимает решение о взыскании с учредителя юридического лица всей суммы требований кредиторов в порядке части 11 статьи 61.11 ФЗ «О банкротстве». В дальнейшем, кредиторы получают возможность распорядиться правом требования в порядке статьи 61.17 рассматриваемого закона. Полученное

исполнение будет включено в имущественную массу и распределено между кредиторами.

А контролирующее лицо, погасившее полностью либо частично, в соответствии со статьей 325 ГК РФ (часть первая), получает возможность заявить регрессивное требование к должнику-юридическому лицу (часть 3 статьи 61.15 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), либо к иным учредителям за вычетом собственной доли, которая, по сути своей, должна была быть оплачена выведенными из имущественной массы должника активами, то есть фактически будет иметь место возврат активов, но с необходимой и справедливой поправкой на усугубившуюся в результате несвоевременного исполнения обязательств финансовое положение должника (что и обеспечивается привязкой к размеру требований кредиторов в отличии от взыскания убытков при банкротстве).

Подводя итог вышесказанному, автором настоящей работы предлагается применение солидарной ответственности по отношению к учредителям (участникам или бенефициарным собственникам) организации-должника, совершившим недобросовестные намеренные действия по перераспределению активов подконтрольной организации в свою пользу или в пользу иных лиц (также будут подвергнуты солидарной ответственности), повлекшие невозможность полного погашения требований кредиторов. В свою очередь, при распределении бремени доказывания предлагается установить презумпцию извлечения учредителем выгоды из недобросовестного поведения, а также правила разумного предположения для заявителя.

Аналогичным образом предлагается реализовать теорию экономического единства юридических лиц, объединенных в группу компаний, контролируруемую одними субъектами, установив солидарную ответственность по обязательством члена группы перед третьими лицами при наличии вины участников группы либо контролирующих лиц в несостоятельности ее члена [Чернова, с.21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, по результатам проведенного совокупного анализа нормативных положений и правоприменительной практики по вопросу ответственности лиц, определяющих действия должника-юридического лица в деле о банкротстве, представляются правомерным ряд выводов.

Сущность всех видов ответственности в деле о банкротстве состоит в до определенной степени устранении границ между организацией, как самостоятельным субъектом общественных отношений и ее недобросовестными или неразумными учредителями. Персонализация неспособности самостоятельно осуществить расчет с кредиторами, которая (неспособность) полностью или частично образовалась вследствие поведения контролирующих лиц.

Мотив совершения недобросовестных деяний в сфере управления организацией при банкротстве (или в период, предшествующий банкротству) является исключительно корыстным, прямо или опосредованно направленным на извлечение контролирующим лицом материальной выгоды путем вывода материальных ценностей из баланса юридического лица прямо (путем присвоения имущества) или опосредовано (через заключение и исполнение сделок, потребность в которых отсутствовала, либо очевидно фиктивных сделок, сделок с неравноценным исполнением) либо сокрытии следов таких недобросовестных действий (в том числе, путем затягивания подачи заявления о признании контролируемой организации несостоятельной). При этом, неразумность деяний контролирующих лиц, повлекших уменьшение имущественной массы, предназначенной для осуществления расчетов с кредиторами, является объективно выходящей за рамки рыночной конъюнктуры, предпринимательского риска и человеческой ошибки и состоять в поведении, которое хоть и не является умышленным, но при этом откровенно губительно для нормального функционирования

организации вне зависимости от состояния рынка поведения иных самостоятельных субъектов, с которыми взаимодействовал должник.

Назначение же указанных процедур состоит в возвращении в имущественную массу самого должника через взыскание убытков утраченных материальных благ или прямое их перераспределение через погашение требований кредиторов, которые не могут быть удовлетворены за счет имущества должника-юридического лица, в порядке субсидиарной ответственности, за счет недобросовестного или неразумного контролирующего лица. Кроме того, имущественная ответственность призвана исключить возможность недобросовестного и (или) неразумного контролирующего лица (в первую очередь, недобросовестного) извлечь выгоду из выбытия по вине такого субъекта части имущества или имущественных прав организации-должника, то есть выполняют превентивную функцию.

При этом, активное развитие бизнес-процессов и фактическое укрупнение экономических агентов, связанное с ним формирование новых, более сложных механизмов корпоративного управления, а также способов их недобросовестного использования ставят перед правотворческими и юрисдикционными органами задачу по выработке эффективных и адекватных механизмов реагирования на подобную деятельность, обеспечения защиты прав добросовестных участников экономического оборота.

Предложенные автором настоящей работы меры имеют свое генеалогическое происхождение от известных современному банкротному и гражданскому праву юридических механизмов и направлены на систематизацию в действующем законодательстве, как представляется, опыта наиболее эффективного воздействия на поведение учредителей и фактических владельцев юридических лиц (как реакции, так и превенции), что должно повлечь значительный рост доли удовлетворения требований кредиторов в деле о банкротстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.06.2022).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. от 01.05.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
6. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.
7. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

8. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
9. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29.07.2017 № 266-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31. – Ст. 4815.
10. Постановление Правительства РФ от 22.05.1998 № 476 «О мерах по повышению эффективности применения процедур банкротства» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 21. – Ст. 2249.

Материалы судебной практики

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2005 № 12-П // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.06.2022).
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.03.2013 № 6-П // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.06.2022).
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 № 39-П // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.06.2022).
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2019 № 14-П // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.06.2022).

- информации Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 29.05.2022).
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 846-О // Интернет-портал справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685449/> (дата обращения: 29.05.2022).
 6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал Верховного Суда РФ. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8481/> (дата обращения: 30.05.2022).
 7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/1799408/> дата обращения: 30.05.2022).
 8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.04.2011 № 15201/10 // Интернет-портал справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
 9. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Интернет-портал Справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/70203722/> (дата обращения: 30.05.2022).

10. Постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.12.2012 № 8989/12 // Интернет-портал справочно-правовой системы «Гарант». – [электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
11. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Официальный интернет-портал Верховного Суда РФ. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/arbitration/17926/> (дата обращения: 30.05.2022).
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Официальный интернет-портал Верховного Суда РФ. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.vsrp.ru/files/26272/> (дата обращения: 30.05.2022).
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2015 № 307-ЭС15-5270 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.12.2016 № 304-ЭС15-9172 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6) // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
16. Определение Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2017 № 305-ЭС17-4886(1) //

- Картотека арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
17. Определение Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2018 № 302-ЭС14-1472 (4,5,7) // Картотека арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
 18. Определение Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2018 № 306-ЭС17-13670 // Картотека арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
 19. Определение Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3) // Картотека арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
 20. Определение Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 № 307-ЭС17-11745 (2) // Картотека арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
 21. Определение Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 // Картотека арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
 22. Определение Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 // Картотека арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
 23. Определение Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2020 № 310-ЭС20-7837 // Картотека арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).

24. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.10.2018 по делу № А73-550/2016 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
25. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.10.2018 по делу № А33-1194/2014 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
26. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.11.2018 по делу № А45-27751/2015 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
27. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.12.2018 по делу № А57-17854/2014 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
28. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 06.09.2019 по делу № А59-3354/2017 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
29. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.11.2019 по делу № А60-49376/2015 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
30. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.12.2019 по делу № А72-12668/2014 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
31. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.05.2021 по делу № А40-88791/2018 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).

32. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.04.2022 по делу № А60-49801/2013 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
33. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.05.2022 по делу № А56-23377/2019 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
34. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.06.2022 по делу № А82-18391/2016 // Картоoteca арбитражных дел. – [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
35. Обзор судебной практики Третьего арбитражного апелляционного суда по рассмотрению споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за период 2015 – 1 полугодие 2017 (утв. 29.12.2017) // Официальный интернет-портал Третьего арбитражного апелляционного суда. – [электронный ресурс] – URL: <https://3aas.arbitr.ru/node/13787> (дата обращения: 30.05.2022).
36. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019) // Официальный интернет-портал Верховного Суда РФ. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.vsrfr.ru/files/26272/> (дата обращения: 30.05.2022).

Данные статистики и аналитики

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов // Официальный интернет-портал Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – [электронный ресурс] – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).

Научная литература и материалы периодической печати

1. Алексеенко А.П. Гражданско-правовая ответственность акционеров в свете реформы гражданского кодекса РФ // Санкт-Петербург, территория новых возможностей, 2015. С. 28.
2. Анциферова Е.О. Субсидиарная ответственность в процедуре банкротства. Основания привлечения к субсидиарной ответственности в процедуре банкротства // Екатеринбург: отечественная юриспруденция, 2019. С. 34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-v-protsedure-bankrotstva> (дата обращения: 23.06.2022).
3. Баранец О. А. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России. Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 161 с.
4. Вдовин И.О. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц в деле о банкротстве // Вестник магистратуры. 2020. С. 100.
5. Витрянский В.В. Несостоятельность (банкротство): научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения. Москва: Статут, 2010. 334 с.
6. Волков Д.Е., Родина Н.В. Актуальные проблемы привлечения к субсидиарной ответственности бенефициаров офшорных компаний в делах о банкротстве // Москва: МНИЖ, 2021. С. 110.
7. Гутников О.В. Ответственность перед кредиторами в корпоративных отношениях: тенденции и перспективы развития правовых норм // Москва: Журнал российского права, 2014. С. 211.
8. Гутников О. В. Возмещение убытков в деле о банкротстве: новые виды ответственности или неудачное использование известных институтов? // Хозяйство и право, 2018, С. 30.
9. Дарбаков А.Ю. Субсидиарная ответственность по делам о банкротстве // Аграрное и земельное право, 2019. С. 179.

10. Денисова Я.О. Субсидиарная ответственность номинальных руководителей. Вопросы российской юстиции, 2020. 154 с.
11. Евтеев К.И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): БАН, 2018. 190 с.
12. Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота. Вестник гражданского права. 2014. С. 73.
13. Емельянцеv В.П. Субсидиарная ответственность по обязательствам страховой организации как средство защиты интересов кредиторов // Москва: Журнал российского права, 2011. С. 169.
14. Ермилов В.Б. Гражданско-правовая ответственность «номинального руководителя» организации в деле о банкротстве. Евразийская адвокатура, 2018. 59 с.
15. Ермилов В.Б. Гражданско-правовая ответственность «бенефициара» в деле о банкротстве организации // Москва: Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2019. С. 45.
16. Ефимов П.А. Особенности привлечения к субсидиарной ответственности лиц, не входящих в органы управления должника // Челябинск: Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право, 2020. С. 34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44902109> (дата обращения: 23.06.2022).
17. Жаренцова Ю.С. Отказ законодателя от уплаты государственной пошлины за рассмотрение отдельных обособленных споров как фактор, негативно влияющий на сроки рассмотрения дела о банкротстве. Закон и право, 2019. 75-79 с.
18. Иванова А.Б. Государственная политика в сфере противодействия криминальным банкротствам. Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизаций:

- материалы науч.-практ. конф. Минск: Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», 2016. 181 с.
19. Камышанский В.П., Тарасенко А.Н. Некоторые проблемы института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Гражданское право, 2016. 142 с.
 20. Ким И. Свежая практика ВС РФ по вопросам привлечения к субсидиарной ответственности: какие позиции стоит взять на вооружение? // Интернет-портал «Экономика и жизнь». С. 18-39. URL: <https://www.eg-online.ru/article/426241/> (дата обращения: 30.05.2022).
 21. Кован С.Е., Ряховская А.Н., Коцюба Н.В. Системные проблемы банкротства в России. СРРМ, 2014. 263 с.
 22. Крупский А. Субсидиарная ответственность собственника: исключение или практика // Интернет-портал «Право.ru». С. 34. URL: <https://pravo.ru/opinion/225690/> (дата обращения: 10.06.2022).
 23. Кузнецов А.А. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Вестник ВАС РФ, 2013. 64 с.
 24. Куркин П.Д. Ответственность за несостоятельность (банкротство) должника в России с XVIII по XXI в. Актуальные проблемы российского права, 2019. 140 с.
 25. Лабазанова М.А. История зарождения и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России. Юридическая наука, 2020. 115 с.
 26. Локтева А. С. Ответственность за преднамеренное банкротство юридических лиц в российском законодательстве. Развитие территорий, 133 с.
 27. Львова О.А. Роль инструментария финансовых расследований в процедурах банкротства компаний. Вестник Института экономики

- Российской академии наук, 2018. 140 с.
28. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. Санкт-Петербург, 1871. 317 с.
 29. Метелева Ю. А. Ответственность лиц, управляющих юридическим лицом. *Lex Russica*, 2019. 155 с.
 30. Михайленко Ю.А. О субсидиарной ответственности в трудовом праве. Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, 2017. 192 с.
 31. Мусаева И.М. Гражданско-правовая ответственность в российском праве // Скиф, Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2020. С. 64-68.
 32. Новицкая Л.Ю. Привлечение к субсидиарной ответственности в рамках банкротства // Москва: Образование и право, 2019. С. 71.
 33. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // Официальный интернет-портал ФНС России. – [электронный ресурс] – URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
 34. Плескова О.Ю. Эволюция научных представлений о категории юридического лица. Вестник Нижегородской академии МВД России, 2009. 166 с.
 35. Поздеева Е.А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц. Москва: Скиф, 2019. 408 с.
 36. Покровский С.С. Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2017. 435 с.
 37. Пушкарева О.О. Несостоятельность и банкротство юридических лиц по российскому законодательству. Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания, 2014. 176 с.
 38. Радыгин А.Д., Симачев Ю.В. Институт банкротства в России: особенности эволюции, проблемы и перспективы. Российский журнал менеджмента, 2005. 70 с.

39. Родыгин В.А. Эволюция правового регулирования института несостоятельности (банкротства) в России. Москва: МГУ, вестник НИБ, 2019. 236 с.
40. Сперанская Ю.С. Институт несостоятельности (банкротства) в России XI – начале XXI века (историко-правовое исследование). Нижний Новгород: М, 2008. 203 с.
41. Суворов Е.Д. Реализация принципа равенства кредиторов при исполнении обязательства по выполнению работ и передаче их результата в случае несостоятельности подрядчика. Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция, 2019. 145 с.
42. Тимофеева Я.Е. Ответственность за нарушение законодательства о несостоятельности (банкротстве). Москва: вестник магистратуры, 2019. 124 с.
43. Ткачев, В. Н. Несостоятельность (банкротство) в Российской Федерации. Правовое регулирование конкурсных отношений. Москва: Книжный мир, 2006. 361 с.;
44. Толкунова П. Субсидиарная ответственность – итоги 2020 года // Интернет-портал «Zakon.ru». Волгоград: ВолГАСУ, 2017. С. 74. URL: <https://zakon.ru/blog/2020/12/13/> (дата обращения: 29.05.2022)
45. Туктамышева С.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в деле о банкротстве. Теология. Философия. Право, 2019. 48 с.
46. Тюньков В. А. Правовое регулирование субсидиарной ответственности руководителя должника в процедуре банкротства. Развитие территорий, 2019. 119 с.
47. Файзрахманова Л.М. О совершенствовании законодательства о несостоятельности (банкротстве) гражданина. Москва: Russian Journal of Economics and Law, 2013. 218 с.
48. Федотова Н.В. Проблемы привлечения контролирующих должника лиц к ответственности // Имущественные отношения в РФ, 2020, С. 65.

49. Филиппова Е.О. Преднамеренное банкротство: история развития нормативного регулирования и меры противодействия. Москва: БГЖ, 2019. 398 с.
50. Фирсова Н.В., Насибов В.Б. К вопросу о субсидиарной ответственности учредителей общества с ограниченной ответственностью // Москва: Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2022. С. 33.
51. Халилова Н.Р. Обзор гражданско-правовой секции международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения». Евразийская адвокатура, 2013. 117 с.
52. Челахсаева С.И. История становления и развития института несостоятельности (банкротства) в странах Европы. Современная научная мысль, 2017. 338 с.
53. Чернова М.В. Механизмы защиты интересов должника и кредиторов в процедурах банкротства. Финансы и кредит, 2012. 43 с.
54. Шипилова Т. В., Нестеренко И. Н. Выход предприятия из кризиса: совершенствование законодательства о банкротстве (несостоятельности). Гуманитарные и социальные науки, 2010. 146 с.
55. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в представлениях гражданского права. Москва: «Наука гражданского права в России» // Nomothetika: Философия. Социология. Право, 2013. С. 152.
56. Яковлев А.Ю., Медведева Ю.С., Рагулина А.В. Преднамеренное банкротство банков на современном этапе // Москва: имущественные отношения в РФ, 2016. С. 175.
57. Яценко А. С. Преднамеренное банкротство: проблемы квалификации и разграничения смежных составов преступлений. Вестник Брянского государственного университета, 2015. 181 с.